

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Анна ЧЕРНЫШЕВА

ЧУЖИЕ БОГИ

Роман

Часть вторая

Новокузнецк
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Ч 49

Чернышева Анна Анатольевна

Чужие боги : роман : часть вторая / Анна Чернышева ; [ответственный за выпуск – Калашников Н. Н.] ; Центральная городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт». – Новокузнецк, 2013. – 84 с. : ил., портр.

© Анна Чернышева

На первой странице обложки – древнеегипетская богиня неба Нут

Глава одиннадцатая ЗНАМЕНИЕ

За этим умильным занятием невестку и раба застала мать Херихора. Само собой, старуха пришла в бешенство.

– Анахит! – истерично завопила Убаинер, вновь принялась брызгать слюной и выкрикивать свои непонятные ругательства.

– Тебе лучше исчезнуть отсюда, – шепнула Анахит персу.

Влюблённый готов был защищать её от любых опасностей, но прекрасно понимал, что его вмешательство только усилит ярость старухи и навредит ещё больше. Раздосадованный, Ахеменид вынужден был тихо и незаметно сбежать.

Но вернуться в своё полное уединение влюблённый был не в силах. Он шёл через двор нарочито медленно, задержался у бассейна. Там его нагнал смуглый большеротый мальчишка-египтянин.

– Госпожа велит, – выпалил он по сирийски.

Язык явно ему был не знаком, и он произносил зазубренную фразу, не понимая смысла.

– Дальше, что дальше? – Арсам старался вспомнить египетские слова.

– Госпожа велит, – повторил посланец, наморщил лоб, вспоминая, что дальше, и сообщил радостно, – велит сидеть тихо, она сама придёт.

Ахеменид кивнул в знак того, что правильно понял приказ, и посланник сломя голову бросился обратно, боясь, что его отсутствие заметят. А перс остался ждать Анахит.

«Наверное, следует убраться с глаз, – размышлял он, – но продолжать добровольно сидеть возле столба, к которому меня дважды приковывали, сейчас выше моих сил».

Мать Херихора неожиданно оказалась его союзницей. После длинных объяснений Анахит, что, общаясь с пленником, она только выполняет приказ мужа, пожелавшего, чтоб иноземец выучил язык своего господина и мог бы лучше исполнять любые приказания, старуха разрешила продолжать уроки. Однако она не могла обойтись без строгих наставлений и велела Анахит всегда оставаться на виду.

– Я должна вас видеть и быть уверенной, что ты ведешь себя достойно с этим хенуу, – брезгливо морщась, изрекла она, немного успокоившись.

– Где же нам лучше заниматься? – скромно опустила глаза Анахит.

Убаинер почувствовала себя главной, самодовольно улыбнулась беззубым ртом, задумалась, словно принимая важное решение, произнесла величественно:

– Я полагаю, самым правильным будет выбрать место, открытое со всех сторон.

– Например, во дворе? – предложила молодая женщина.

– Можно и во дворе, – милостиво согласилась старуха. – Вот у бассейна было бы хорошо.

Повинуясь её приказу, Анахит пошла искать единственного пленника Херихора. И нашла Арсама на том самом месте, которое так настойчиво рекомендовала ей свекровь.

– Имей ввиду, – сразу предупредила она, – Убаниер зорко следит за каждым твоим движением.

– Обещаю быть очень благоразумным, – улыбнулся перс.

– И сделай серьёзное лицо, у старухи отличное зрение. Опять придётся ей объяснять, чему так радовался хенуу.

– А что ты сказала в прошлый раз?

– Честно говоря, мне было нелегко убедить подозрительную старуху в том, что я не имела никакого злого умысла, когда показывала тебе котят.

– Чем не угодили ей котятя?

– Слишком долго объяснять, какие страшные мысли бродят в её голове, – улыбнулась Анахит. – Я сказала старухе, что объясняла тебе, как в египетском языке образуются из котов – котятя, из уток – утятя.

– Было бы и в самом деле интересно разобраться со всеми этими зверятами.

– Что ж, можно заняться и этим.

Женщина присела на высокий край бассейна спиной к дому номарха, откуда сверлил её не по годам зоркий, неусыпный взгляд старухи. Перс присел на почтительном расстоянии, чтоб не скомпрометировать Анахит, но улыбнулся лукаво.

– А ты собиралась заняться чем-то другим?

– Не говори глупости! – вспыхнула жена номарха. – Я только полагала, что тебе гораздо больше пригодятся совсем другие слова.

– Конечно, совсем другие. Скажи, как лучше объяснить египтянину, что он не достоин собственной супруги?

Женщина промолчала в ответ, а влюблённый продолжал:

– Ещё мне очень хочется знать, какими словами объяснить Херихору, что его место в хлеву со свиньями, коровами и телятами? Кстати, бычок, родившийся вчера, подошёл на роль Апеса?

На этот вопрос Анахит решила ответить.

– Разве ты не видел дождя?

– Дождик был прекрасный, он так вовремя прогнал прочь злошую мать Херихора.

– Напрасно ты её злишь, – вздохнула женщина, – в этом доме, определенно, Убаинер – главная.

– Её срочно нужно отправить на мою родину, жила бы себе в гареме, была бы ленивая и благостная и никем бы не командовала.

– Кроме слуг, – Анахит намекнула на незавидное нынешнее положение Ахеменида, – к тому же я тоже жила бы в гареме.

– Пожалуй, иногда я рад, что оказался именно здесь, – серьёзно признался Арсам. – Даже думать не хочу, что моя жизнь могла бы пойти по-другому, и я бы никогда не встретил тебя и не украл бы жену у номарха.

– Ты слишком уверен в себе.

– Разве это плохо?!

– Не знаю, – вздохнула красавица, – многие твои слова звучат как вызов богам.

– Они уже привыкли, – усмехнулся племянник царя Парсы.

– Мне страшно от этих речей, – призналась Анахит, – пока ты не наговорил ещё чего-нибудь, давай лучше учить египетский.

У ног Арсама пробежал вездесущий скарабей, и перс спросил, указав на него:

– Как, например, египтяне называют эту букашку?

– Хеперер, ещё есть священная многоножка – Хепа. Но мы опять отвлеклись, зачем тебе насекомые, я должна научить тебя понимать команды и приказы.

Тяжело вздохнув, влюблённый принялся терпеливо повторять за женой номарха неблагозвучные египетские слова и невольно размышлял о том, что не стал бы писать любовные стихи на этом языке. Пожалуй, он подошёл бы для описания битв и сражений, проклятий и угроз в адрес врагов. Лирично настроенному влюблённому египетский нравился всё меньше. И не выдержав, он вновь прервал урок:

– А как ты лечишь печаль в этом скучном месте? – неожиданно спросил он.

– Лечу печаль? – переспросила женщина.

– Я не поверю, что тебе никогда не бывает грустно рядом со стариком Херихором.

Анахит печально опустила голову, задумалась, отозвалась не сразу:

– Когда мне становится тоскливо, – тихо произнесла она, – я уйду к морю.

– Я и забыл, что где-то здесь есть берег, на который меня вынесло после кораблекрушения.

– Это довольно далеко, но я очень люблю смотреть на волны.

– Следующий раз, когда тебе станет грустно, – нежно произнёс влюблённый, – возьми меня собой к морю...

Арсам хотел взять Анахит за руку так, чтобы его жеста не было видно из дома...

Мгновенно на него обрушилась чёрная непроглядная тьма – чернее, чем любая ночь. Горячий плотный воздух вокруг наполнился шумом ветра и шуршанием песка. Дышать стало невозможно из-за тысяч мельчайших песчинок. Они носились вокруг, словно в безумном танце.

Мерцали мертвенным голубоватым отсветом. Кроме их вихря вокруг не было ничего! Внезапно этот страшный поток завернулся в тугой жгут, скользнул у ног, словно громадная змея. Чудовищная кобра подняла голову выше, выше... Она нависла над Арсамом, разинула огромную пасть и проглотила перса. Он задохнулся, закрыл глаза...

Жар резко сменился жутким холодом! Арсам тонул в ледяной воде. Отчаянным движением он вырвался на поверхность. Здесь было ослепительно светло. Стремительное течение глубокой реки бурлило между больших валунов. Могучая сила тащила пловца к грозным порогам. Мощная полноводная река, зажата между высоких берегов, оглушительно ревела. Вложив все силы в последний рывок, перс ухватился за скользкий камень. Река била его тяжёлыми волнами, с невероятной силой стремилась оторвать от спасительной опоры. Ахеменид до полного изнеможения сопротивлялся стихии...

Он на миг почувствовал себя победителем, перевел дух. В мгновение ока водный поток вновь сменился песчаной бурей. Всё вокруг было грязно-жёлтым: и небо, и земля. Невозможно было определить, где верх, где низ. Человека крутило сумасшедшим вихрем песка, лишая всего, что он знал и любил. Оставалась только пустыня с её мощным жаром. Даже на страх не было сил. Арсам пропал, растворился в бесконечном стремительном танце песка. Из невероятной дали донесся властный уверенный голос:

– Помни! Ты лишь песчинка! Крохотная песчинка перед богами Великого Египта!

– У меня другой Бог, – прохрипел Ахеменид, – а вас всех не существует...

Он, словно с огромной высоты, рухнул на землю. Перс медлил открыть глаза. Вокруг было так тихо, что звенело в ушах, – ни шуршания песка, ни рёва воды. Спокойный воздух был чист и неподвижен. Ахеменид рывком встал на ноги, осмотрелся вокруг. Мирная обыденность поразила его. Он опять был в опустылевшей полутёмной комнате, украшенной двумя толстыми столбами. У входа темнела каменная статуэтка Бэса. Всё как всегда...

– Но... я же говорил с Анахит! – вспомнил Арсам. – Где же она? Где бассейн? Старуха, наблюдавшая за нами из дома?

Влюблённый был возмущён до глубины души. Всё остальное, только что происходившее с ним, занимало Ахеменида гораздо меньше.

– Что она подумала! Я и сам не могу даже представить, как оказался здесь. А как всё это выглядело со стороны?

Наконец его мысль вернулась к завершившемуся только что безумию.

– Судя по всему, этим жутким весельем я обязан местным божкам, – рассуждал перс, – и всё кончилось, как только я вспомнил своего единого бога... Какой же я грешник! С тех пор, как попал сюда, только и делаю, что спорю со звероголовыми демонами, а все обряды забросил.

Однако самоуверенный зороастриец недолго предавался сокрушениям. Он тут же нашел себе оправдание:

– Всё началось с того, что море забрало себе мой пояс, да и огня в этой комнатушке вовсе нет. Нет даже воды, чтоб хоть раз обмыть руки и лицо, – перечислял перс, – какая уж тут молитва пять раз в день. Наставник всегда требовал свято соблюдать все части обряда, а у меня остались только тексты в голове. И разве я не вспоминал их... А что ещё мне оставалось?!

Успокоив таким образом свою проснувшуюся совесть, Ахеменид всё-таки дал себе зарок во что бы то ни стало исполнять положенные зороастрийские обряды. Первым делом он стал вспоминать, не пропустил ли здесь один из пяти праздников, и сам рассмеялся над собственной невнимательностью:

– Мне уже кажется, что я прожил здесь бесконечно долго. А ведь на самом деле можно посчитать дни, которые я провел на Египетской земле. Если тот неудачный морской поход, который забросил меня сюда, Камбиз предпринял почти сразу после великого праздника нового года, то до следующих праздничных дней еще уйма времени.

Зороастриец вышел из своего сумрачного убежища на залитый солнцем двор, для того чтобы определить время дня.

– Теперь главное – не пропустить время заката и вечерней молитвы.

Горячее светило было ещё высоко в небе. Внимание Арсама привлек Петубаст – сынок Херихора. Перс шагнул назад в тень от строения и наблюдал, как, вооружившийся большим красивым луком, эффектным жестом он поднял оружие левой рукой, уверенно приладил стрелу, облизал указательный палец, поднял над головой, повертел, определяя ветер, полюбовался красивой тенью, повернулся, посмотрел с другой стороны и стал натягивать тетиву. Зрелище сразу стало уморительным. Петубаст напряг все мышцы худой руки, лицо египтянина стало сосредоточенно-зверским. Он скрежетал зубами, тянул изо всех сил, но лук и не думал выгибаться, а тетива натянулась лишь слегка. Парень в сердцах бросил оружие под ноги, топнул, совсем так же, как его папаша, пощупал свои хилые мускулы, на удивление остался доволен и снова поднял лук. Повторилась живописная сцена с воинственной позой и рассматриванием своей тени. Повертев лук в руках, парень пришел к выводу, что в его неудаче виновата неправильная стрела. Он аккуратно положил оружие на край бассейна и побежал в дом за новой. Вернувшись, он, недолго думая, сломал первую и стал тщательно прилаживать новую стрелу. Маневр оказался напрасным. Поза лучника по-прежнему была великолепна, но тугая тетива так и не поддавалась сыну номарха.

Худой Петубаст быстро утомился от своих бесплодных усилий. Решил, что и на этот раз причиной его неудач стали недостатки стрелы. И он сосредоточился на их изучении. Пощупал пальцем острие, укололся,

ойкнул, потряс рукой, чтоб избавиться от боли. Зачем-то поднес к длинному носу, понюхал белое оперение стрелы, поморщился, чихнул, раздражённо бросил её в пыль. Следом за стрелой полетел лук. Сын Херихора смачно плюнул и с решительным видом удалился в дом.

– И что, это всё?! – разочаровался перс. – Меня забавляли его муки.

Он подождал ещё немного, но египтянин не возвращался. Ахеменид решил выйти из скрывавшей его тени, подошёл и поднял оружие.

– Неужели у номарха лук какой-то особенный?! – усомнился Арсам.

Он приложил стрелу, играючи натянул тетиву и пустил её, не целясь. Просто вдаль, куда-то между рядами финиковых пальм. Высоко поднявшаяся стрела свистнула в воздухе, и конец её неожиданно вспыхнул, словно он был обмотан шерстью и подожжен.

– Опять фокусы богов, – равнодушно заметил Ахеменид.

Его уже перестали поражать удивительные события последних дней. Ахеменид старался руководствоваться наставлениям деда, любившего повторять, что царь должен взирать на всё хладнокровно.

– Плохо, что этот дурак сломал вторую стрелу, без неё лук так же бесполезен, как любая палка, – вздохнул перс. – Правду говорил дед: я слишком часто действую, не успев подумать. Стоило бы приберечь стрелу и найти куда лучшее применение единственному выстрелу.

Он надменно улыбнулся, представив страх Херихора, поражённого тем, что раб целится в него из его же лука.

– Уж я бы не промахнулся, – с угрозой бросил Арсам, – только...

Влюблённый вспомнил, как обещал Анахит вести себя тихо и соблюдать египетские обычаи.

– Кажется, вооружённое восстание не входит в традиции этой страны.

Он не успел додумать о возможностях, которых лишился, выпустив единственную стрелу. Во двор номарха вбежал перепуганный египтянин, он громко звал Херихора и принялся что-то взволновано объяснять вышедшей на его крик старухе. Египтянин тряс прямо перед её носом обгорелой стрелой.

– Вот уж не рассчитывал никого напугать, – пожал плечами перс, – плохо, что этот крестьянин так переживает и кричит, ни слова невозможно разобрать.

Однако мать номарха отлично поняла сбивчивую речь прибежавшего. Убаинер кивала головой, тщательно осматривала почерневшую, сгоревшую до половины стрелу. Что-то резко приказала подошедшему к ней внуку. Он побежал исполнять, но тут же вернулся с потеряннным видом. Морщинистое лицо старухи стало наливаясь пунцовой краской гнева.

– Что-то назревает, – пробормотал Арсам, – мне стоит убраться подальше.

Подхватив найденный лук, Ахеменид поспешил вернуться в своё убежище. Он вошёл внутрь, сунул лук под циновку и сел у стены – как ни в чём не бывало.

Арсаму не пришлось долго ждать новых событий. Не успел он ещё перевести дух, как перед ним возник темнокожий друг:

– Сидишь тут, ничего не знаешь, – сказал вместо приветствия Ганнибал.

– Чего-то я точно ещё не знаю, – не стал врать зороастриец.

– Не успел номарх уехать с новым Апесом в Мемфис, как оказалось, что он срочно нужен здесь.

– И зачем же? – удивился перс.

– Кто ж без него проведет службу и растолкует страшное знамение.

– Какое ещё страшное знамение?

– В финиковой роще работники увидели, как пылающая стрела вонзилась в один из стволов.

– Это и всё ваше знамение? – хмыкнул Ахеменид.

– Есть легенда, что такое уже было и что это предупреждение о грядущих бедствиях.

– Боги тут не при чём, это я пустил стрелу в сторону финиковых пальм, – признался Ахеменид.

– Ты?! – поразился египтянин и смолк растерянно. Потом нашёлся и воскликнул: – Не бери на себя слишком много. Дерево, в котором нашли воткнутую стрелу, очень далеко отсюда, и как, объясни, сделай милость, ты умудрился поджечь её?!

– Нет, я не поджигал, стрела вспыхнула сама собой уже в воздухе.

– Вот видишь, это всё-таки знамение, и впереди нас ждут страшные испытания. Только знать бы – какие.

– У нас сказали бы, что горящая стрела – это знак войны.

– Война! Неужели впереди неизбежная война?!

– Я твержу тебе об этом уже который день, – рассердился Ахеменид. – Я оказался здесь, потому что царь персов Камбиз II начал военный поход на Египет. Он вот-вот повторит попытку и придет сюда с огромной армией. Война неизбежна и близка, это известно и без знамений.

– Но Египет не готов к войне, насколько я знаю. У нас нет путной армии, надо что-то сделать, чтоб предотвратить войну!

– Ты рассуждаешь как великий государь, – улыбнулся перс, – я же говорил, что твое имя больше подходит полководцу. Может, поедешь к Камбизу, попробуешь отговорить его.

– У тебя бы лучше получилось, ведь ты его родственник.

– Он не станет меня слушать. Его родной брат Бардия – ярый противник любых войн. Он старался убедить царя, что простые персы устали от военных походов и мечтают только вернуться к своим семьям и хозяйству. Ведь мы не кочевники, живущие только войной. Но Камбизу не дает покоя слава его отца, великого Кира-завоевателя. И он никого не

хочет слушать, так и ищет, какого бы ещё соседа завоевать. А ваш Египет слишком лакомый кусок.

Взволнованный Ганнибал быстро ходил по комнате из стороны в сторону. Тёр подбородок, хмурился и вёл себя так, словно судьба его страны в этот момент действительно зависела только от его решения. Арсам смотрел на друга со снисходительной улыбкой, прекрасно понимая, что озабоченность крестьянина не может повлиять на поступки царей.

– погоди, – воодушевился Ганнибал, – всё, что ты говоришь, – дела земные, дела людские. Цари или рабы, мы сколько угодно можем строить планы. Но что из этого выйдет – зависит только от решения Богов.

– Мы не можем повлиять на их желания. Наше будущее предрешиено, Богу виднее, что для нас хорошо, а что скверно. То, что происходит здесь, это лишь отголосок борьбы добра со злом.

– Нет, мы можем... – заспорил темнокожий, – мы можем умолить Богов изменить свою силу. Мы должны принести сейчас самые богатые жертвы.

– Жертвы?! Вы приносите жертвы?

– Конечно!

– Надеюсь, не человеческие?!

– Наши Боги не так кровожадны, они требуют от нас лишь тучных быков, да нежных ягнят.

– Вряд ли это поможет, – серьёзно произнёс Ахененид, – перережьте хоть весь свой домашний скот, но Камбиз войдёт в Египет, свергнет фараона и займет его место.

– Что же тогда будет с нами?! – ужаснулся египтянин.

– Кир был добр к завоеванным народам, даже отпускал рабов, как иудеев из Вавилона. Я слышал, они теперь называют его пророком и поклоняются его памяти. Но Камбиз – другой человек, и я не знаю, как станет поступать он.

– Наши боги защитят нас, – убеждённо воскликнул Ганнибал.

– Вряд ли, им-то ничего не грозит! – сказал Ахеменид. – В завоёванных странах персы богов не трогают, храмов не разрушают, свою веру никому не навязывают. Камбиз, например, твёрдо решил стать правителем Египта, фараоном и потомком богов.

– Всё равно, боги вмешаются, мы сумеем умолить их, а ты жди своего родственника, – обиженно бросил египтянин и выбежал вон.

– Плохо он знает своих богов, – скептически заметил Арсам ему вслед.

– Можно подумать, ты знаешь нас лучше! – громко твякнул кто-то у него над ухом.

Арсам принялся крутить головой, ожидая увидеть шакалоголового Анубиса. Но комната была абсолютно пуста. Его растерянность только насмешила бога, оглушительный хохот наполнил тесное помещение.

– Все вы, смертные, одинаковы: мните себя героями, пока не дойдёт до дела, а потом дружно празднуете труса!

– Говори о своих египтянах! – гордо поднял голову перс.

Он вскочил на ноги, замер, готовый защищаться.

– Тише, тише, – смеялся невидимый Анубис. – Драться с тобой я не собираюсь, ты мне не соперник. Так, козявка.

Кровь царей закипела от возмущения:

– Кого ты называешь козявкой?! Стал бы ты разговаривать с насекомым?!

Неожиданный вопрос озадачил повелителя загробного мира. Он разом стал видимым. И Арсам успел заметить, как божество задумчиво чесало за ухом, прежде чем принять обычный, грозный вид.

– Я волен общаться с кем я пожелаю. Всё в моей власти! – прогремел Анубис.

– Насколько я понял, у вас здесь, каждый бог занимается чем-нибудь одним. А самые главные любят перепоручить свои заботы другим, – самоуверенно рассуждал Ахеменид.

– Не смей касаться великого РА!

Шакаля морда придвинулась угрожающе близко.

– Зря пугаешь! – нашёлся Арсам. – Тебя здесь нет! И вообще не существует!

Шакалоголовый исчез, от внезапной тишины зазвенело в ушах. Ахеменид сам поразился лёгкости одержанной победы. Но не успел перс усесться на своё место, как у него появилось странное ощущение, что за ним кто-то внимательно наблюдает. И фигурка Бэса была здесь не при чём, глазастый уродец был по-прежнему развернут в другую сторону. Персу ужасно захотелось крикнуть в пустоту «Кто здесь?» Но такой поступок он счел глупым.

– Ладно, не притворяйся, – вдруг услышал он снисходительную усмешку Анубиса, – я знаю, что тебе стало страшно! Да! От меня трудно избавиться, если я сам не захочу уходить. Смирненное раболепие египтян мне что-то насучило, а твоя самоуверенность меня забавляет!

Ахеменид не нашёлся, что ответить на такие речи. Сделал вид, что вовсе не слышит повелителя загробного мира. Тогда Анубис возник перед ним во всём своём великолепии – обвешанный дорогими украшениями и яркими драгоценными камнями.

– Сорока, – вырвалось у перса.

– Таких птиц в Египте нет, – парировал падкий на блестящее бог.

Он возвышался над Ахеменидом, важно скрестив руки на груди. Арсам встал и оказался одного роста с шакалоголовым. Анубис уловил лукавую искорку в его взгляде, произнёс насмешливо:

– Какие мы гордые! Возомнил себя равным богам. Я-то могу меняться, как мне заблагорассудится, а ты можешь быть только таким, каким тебя

создали. Подумай об этом на досуге, – посоветовал шакалоголовый и растаял во мраке комнаты...

Глава двенадцатая ЛЮДИ И БОГИ

После этого разговора у перса осталось странное ощущение. Сильно похожее на предчувствие предстоящих трудностей. Ощущение это было незнакомо для царского племянника. Прежде родственник царей привык, что будущее всегда расстилалось перед ним ровной лёгкой дорогой, полной побед и праздников.

– Ерунда, – отмахнулся Ахеменид, – это всё из-за перепуганного Ганнибала. Он сумел-таки заразить меня своей тревогой.

Но из его головы всё не шли грозные слова Анубиса.

– Не хотелось бы, – поморщился Арсам, – чтобы местные божки вздумали учить меня смирению. Здесь и без них хватает командиров.

В подтверждение его слов в дверном проёме появился слуга-египтянин, вместе с которым перс двигал ящики и короба в доме номарха.

– Эй, иноземец, – поманил пальцем он, – тебя госпожа зовет.

Для влюблённого эти слова означали только новую встречу с Анахит. И он даже не пытался скрыть своего крайнего разочарования, столкнувшись во дворе с надменно задравшей нос Убаинер. Сперва она хотела наорать на собственность своего сына, но вовремя вспомнила, что гордый иноземец не поймёт её слов. Повинуясь её властному жесту, худющий сынок Херихора бегом бросился к дому и вернулся вместе с молодой женой номарха. Она не смела даже поднять взгляда в присутствии сварливой свекрови, карканье старухи переводила тихо и неторопливо.

– Убаинер считает, что все бедствия обрушились на этот дом с тех пор, как здесь появился ты. Чтобы избежать ужасов, обещанных дурным предзнаменованием, она будет требовать чтобы Херихор продал тебя.

– Какие ещё бедствия? – возмутился Ахеменид. – В чём я виноват? В том, что Египет неизбежно ждёт война? Или в том, что гиппопотамы утопили сундук?

– Мне показалось, – призналась женщина, – что теперь ты виноват во всём. Даже в том, что в Мемфисе умер старый Апес.

– Зато я помог родиться новому, – похвастался перс.

– Всё равно, ты останешься здесь только до возвращения Херихора, – вздохнула Анахит.

И этот её вздох наполнил сердце влюблённого восторгом и новыми надеждами. Жена номарха невольно выдала своё тайное нежелание расставаться с персом. Новых доводов матери Херихора Арсам больше не слушал, его занимал совсем другой вопрос:

– Так сколько у меня осталось дней? – негромко спросил он жену номарха. – Надеюсь, Херихор уехал далеко и надолго.

Она помедлила с ответом, пожалев, что сама дала иноземцу повод для дерзких надежд. Но старуха всё кричала и требовала переводить, твердила о длинной поездке сына.

– Херихор вернётся ещё не скоро, – наконец сказала Анахит, – дорога до Мемфиса не близкая, к тому же против течения. Нил не везде такой медленный и спокойный, как здесь у нас. К тому же в столице несколько дней жрецы будут проводить обряды в честь молодого Апеса. Обратный путь займёт гораздо меньше времени.

– Жаль, – вырвалось у перса, – хорошо бы он повстречал тех весёлых гиппопотамов, которым достался мой халат.

Старуха зло глянула на улыбнувшегося хенуу. Напустилась на невестку с расспросами. Анахит отвечала ей мягко и терпеливо, но не могла погасить раздражения Убаинер. Она повернулась к Ахемениду:

– Мать моего мужа приказала тебе отправляться со всеми слугами строить загон для скота, который пригонят для жертвоприношения.

– Строить новый загон, а куда же делся старый?

– Крупные жертвоприношения у нас уже давно не проводились.

– А сегодня назревает что-то грандиозное.

Злобная мать номарха решительно оборвала их разговор.

– Не болтай с хенуу! – крикнула она так категорично, что даже Арсаму хватило его небольших познаний египетского, чтобы понять её.

Он послушно поплёлся туда, куда решительно указывал кривой палец старухи. В дальнем углу двора уже собрались слуги верховного жреца. Прошлый раз, когда Ахеменид встречался с ними, египтяне были вооружены до зубов и напали на него, стараясь исполнить кровожадный приказ своего господина. От прежней враждебности не осталось и следа. Убау приветливо улыбались своему новому товарищу.

– Какой хитрый поворот судьбы, – невесело вздохнул Арсам, – я буду помогать в жертвоприношениях чужим богам, чтоб они спасли моих врагов от моих друзей.

Гордому Ахемениду отчаянно захотелось взять назад все свои клятвы и героически погибнуть, только бы избежать этой новой роли. Он весь собрался, нахмурился, готовясь к решительному поступку, когда услышал за спиной тяжёлый топот копыт. Перс стремительно обернулся, прямо на него нёсся громадный разъярённый бык. Нападая, он опустил длинные острые рога. Арсам только успел схватиться за них, останавливая животное. Постарался как можно ниже прижать к земле и повернуть в сторону его голову, как делали площадные борцы. Натиск зверя был страшен, Ахеменид упирался изо всех сил. Но чувствовал, как ноги скользят по земле и он медленно отодвигается назад. Бык разъярённо мычал, старался высвободить голову, поддеть противника на рога. Арсам видел в носу животного медное кольцо и не мог даже на мгновение

отпустить длинный острый рог, чтобы схватиться за это кольцо. Борьба была неравной, взбешённый бык был намного сильнее человека. От нетерпения зверь скрёб землю передним копытом. Ахеменид чувствовал, что слабеет, руки стали дрожать от напряжения, со лба катился солёный пот, слепил глаза.

Неожиданно Арсам увидел, что к быку подошла женщина, она спокойным неспешным жестом погладила зверя по вздыбленной холке, шепнула что-то в большое ухо. Поражённый перс почувствовал, как животное обмякло, ослабило натиск. Женщина продолжала гладить спину, бока, большую голову, провела между рогами, лёгким жестом причесала выпуклый лоб. Налитые кровью глаза медленно закрылись.

– Отпусти рога, – тихо, но твёрдо велела персу женщина.

Он решился подчиниться её голосу, с трудом разжал пальцы, и громадный бык повалился на землю, словно только Ахеменид его удерживал на руках

– Да он спит?! – поразился Арсам.

Он изумлённо посмотрел на удивительную египтянку. И сразу узнал мать Ганнибала.

– Но, как... и откуда вы здесь? – прошептал он.

Крестьянка, конечно, его не поняла, да на удачу рядом оказался её сын. Ганнибал сразу всё объяснил:

– Ты не особенно внимателен, народ уже давно стал собираться в ожидании жертвоприношения. Такое зрелище у нас редкость. Обычно жрецы проводят все обряды за закрытыми дверями. Вот все и собрались. Мы тоже не могли оставаться дома. А мою мать богиня ещё в детстве наделила даром управлять всеми животными. Так что тебе опять повезло.

Перс вытер пот со лба, разглядывая мирно спавшего быка. Даже не верилось, что совсем недавно, переполненный яростью, он грёб копытом землю. В это время к Ахемениду подошла Анахит. Женщина не могла скрыть своей радости.

– Какое страшное животное, – кивнула она на быка. – А ты такой сильный...

Женщина потупилась, румянец залил её щеки.

– Я так испугалась, – шепнула она чуть слышно.

Ахеменид не успел ответить, из-за спины красавицы возникла старая мать Херихора.

– Молодец! – неожиданно похвалила она перса. – Хороший хенуу у моего сына.

«Раб» – болью отозвалось в сердце родственника царей Персии.

Он готов был взорваться и ускорить свою, как ему казалось, неминуемую гибель, но мудрая Анахит мягко взяла свекровь за локоть и повела к дому, тихо твердя ей какие-то увещания. У самого входа жилища номарха она обернулась и бросила на Арсама такой взгляд, что

ему разом расхотелось умирать. И мысли Ахеменита приняли совсем другое направление.

«Ну, что ж поделаешь?! Даже великий Кир провёл всё своё детство среди рабов, – размышлял он, – ему пошло это только на пользу. Возможно, и меня ещё ждут большие дела».

Перс улыбался, радуясь сходству судеб с его знаменитым родичем. Он передумал совершать безумные поступки и решил покориться судьбе – на всех её поворотах! Стоявший рядом Ганнибал заметил счастливую улыбку и усмехнулся.

– О, теперь я понимаю, что держит тебя в плену, такой взгляд способен покорить и бога.

– Ради этих глаз я согласен на всё, – вздохнул влюблённый.

– А ты ей не безразличен, – заметил темнокожий, – жена номарха была очень неосторожна, когда заговорила с тобой при всех, да ещё не по-египетски.

– Какая разница, нас с тобой Херихор, тоже бы не понял.

– Ты, наверное, не знаешь, – почесал подбородок Ганнибал, – но у нас есть легенда про то, как бог солнца Ра поделил всех людей на разные расы: красные – египтяне, белые – жители Сирии и черные – нубийцы. Никого не интересует разговор двух рабов, один из которых низшей расы, но, общаясь с госпожой, вы лишний раз подчеркиваете, что одна раса вас объединяет. Недаром Херихор так злится.

– До чего же ваши боги всё запутали! – беззаботно улыбался влюблённый.

– Ты здесь чужой и совсем не понимаешь, откуда на тебя может свалиться беда.

– Не понимаю, – охотно согласился перс, – вот откуда взялся этот сумасшедший бычара?! И почему он напал именно на меня?

– Боюсь, это знают только боги! – ответил Ганнибал. – Но тебе всё же следует быть осторожным. Иначе попадешь в серьёзную беду.

– Тебе-то что с того?

– Меня не оставляет странное ощущение, что богам было угодно накрепко связать наши судьбы. И я могу серьёзно пострадать от твоих неприятностей.

– Лучше я поделюсь с тобой своими удачами, – рассмеялся Арсам, – только я что-то не заметил, как ты бросился помогать мне бороться с быком.

Темнокожего египтянина упрёк очень удивил, он воскликнул:

– Ну, и что бы получилось, если бы я полез тебе бы помогать?! Ты бы отвлекся, я бы только успел подойти, и бык поддел бы нас обоих на рога. Одного – на правый, другого – на левый, очень удобно.

– И чего эта зверюга из всего сбежавшегося народа выбрала именно меня? – недоумевал перс.

– Я что ж, по-твоему, коровьи мысли умею читать?! Скорее всего, ты опять чем-то насолил богам.

– Вот уж ничуть не бывало!

– Ещё, говорят, бывает, что боги слышат твои мысли и отвечают на них.

– Мои мысли... – Ахеменид хотел уже посмеяться над такой версией, да вдруг вспомнил, что готовился расстаться с жизнью прямо перед появлением быка. – Оказывается, она мне ещё дорога, – пробормотал перс.

Друг его не расслышал, только порадовался, что иноземец перестал задавать вопросы, ответов на которые он не знал.

Между тем во дворике, вокруг бассейна номарха, собиралось всё больше людей. Многие приходили с семьями, приводили многочисленных ребятишек. Ахеменид вообще в первый раз видел в этой стране маленьких детей, он был поражён, что в окрестностях поместья оказалось столько крестьян. Они все казались Арсаму очень похожими друг на друга. С чёрными курчавыми коротко стриженными волосами, туго завернутые в светлые куски холщовой ткани, с тёмной красноватой кожей. Перс с интересом разглядывал их, совсем позабыв, что должен не глядеть по сторонам, а с рабской старательностью строить загон для жертвенного скота. Он так и не успел приступить к работе, увидев, как на двор номарха опускается несвоевременная ночная мгла.

– Опять?! – вырвалось у Ахеменида, вспомнившего, что точно так же начинались его жутковатые видения.

Но на этот раз происходящее видел не только он. Собравшиеся египтяне ахали, крутили головами, испуганно перешёптывались. Разинув рты, все смотрели, как воду бассейна тянул стремительно крутившийся вихрь, прозрачные капли стали менять цвет и превращаться в жёлтые песчинки. Ещё мгновение песчаная верёвочка висела между небом и землей и вдруг обрушилась в пустой бассейн лавиной песка. Углубление сразу заполнилось до краев, и над ним образовался невысокий бархан. Он стал расти выше, выше, утончался, и вскоре можно было различить толстенное тело огромной песчано-жёлтой змеи, свернувшейся в самой середине двора. Люди замерли от ужаса.

– Апоп! – выдохнула толпа.

Услышав своё имя, змей открыл огромные жёлтые глаза, поднял тяжёлую голову и, разинув чудовищную пасть, метнулся к всё ещё лежавшему на земле быку. Он проглотил громадную тушу, как крошечное зёрнышко... Видение исчезло. Стало светло, и все взгляды обратились на то место, где только что находился огромный бык. Там было абсолютно пусто. Даже пыль не примята... А бассейн снова был полон чистой водой.

– Ты... ты это видел?! – прохрипел Ганнибал.

– Я удивлен больше тем, что это видел ты, – спокойно заметил Ахеменид.

– Так говоришь, будто регулярно наблюдаешь такое.
– Ну, не точно такое же... бывают варианты.
– Врёшь! Или придумываешь, – возмущился египтянин, – не может быть, что ты уже видел наших богов живьем.
– Видел, конечно, – подтвердил честный зороастриец, – только ты всё равно не поверишь.

– И правильно сделаю! Как бы ты мне ни клялся! Не поверю! Этого быть не может, – разорвался темнокожий.

– Зачем мне клясться? Ты же всё своими глазами видел: тьма, песок, змея. Здесь, у вас, я это всё уже видел. Как, говоришь, зовут эту... божественную гадость?

– Апоп, великий змей, противник солнечного бога Ра.

– Вроде нашего Ахримана, – нахмурился перс, – и зачем ему понадобился несчастный бык? Неужели проголодался?

– Это же был не обычный бык, мы готовили его, чтобы умилостивить богов и предотвратить войну. А теперь...

Египтянин схватился за голову, стал монотонно раскачиваться из стороны в сторону, завывать жалобно:

– О-о, теперь война неизбежна! О-о, нас ждут страшные бедствия!

Перс попытался остановить, урезонить друга, чтоб тот не пугал остальных. Но было уже слишком поздно, горестное отчаяние охватило всех, кто собрался во дворе номарха. Многие женщины заплакали, и, глядя на них, заголосили их дети, а хмурые мужчины опустили головы, смотрели исподлобья, сжимали кулаки. Арсам не сразу сообразил, что он здесь пока единственный перс, один из сотен завоевателей, которых так боялись и ненавидели эти люди. Вскоре уже все взгляды были устремлены на него с неприязнью и угрозой.

– Вот уж самое время вмешаться кому-нибудь из местных симпатяг со звериными головами, – буркнул Ахеменид, – пока у моих родственников не появилось повода для мести.

Совсем недавно готовому принять героическую смерть Арсаму отчаянно захотелось жить. Но ситуация становилась всё более угрожающей. Египтяне стали медленно приближаться, сужая круг.

– Дело плохо, – шепнул стоявший рядом с персом Ганнибал.

– Тебе лучше держаться от меня подальше, – предостерег его Ахеменид, – похоже, твои худшие предчувствия начинают сбываться.

– Тоже мне, герой, – фыркнул его друг, – ты спас мне жизнь, я твой должник.

– Прощаю тебе долг, только скажи, есть у вас какой-нибудь бог – покровитель иноземцев?

Перс отступил на шаг, присматривая палку, которой можно было бы обороняться. Но двор был удивительно чист. Арсам горько пожалел, что так надёжно спрятал найденный лук. Хотя без стрел и от него было бы мало толку. Ответ Ганнибала прозвучал безрадостно:

– У нас нет таких богов! Когда Египет захватывал другие страны, нам покровительствовали все наши боги, а ты чужак.

Грозные египтяне подходили всё ближе, смыкали ряды, так что впереди оказались только молодые крепкие мужчины.

– Будет драка!

– Скорее бойня...

Отступавшие друзья оказались прижатыми к глухой стене дома Херихора. Египтяне приблизились почти вплотную к ним, на злых лицах было выражение решимости. Людям казалось, что они нашли способ избежать ужасов войны, нашли виновного в своих бедствиях. Краем глаза Арсам посмотрел на своего ставшего воинственным друга. И ему неожиданно показалось, что у стены они стоят не вдвоем, а появился кто-то третий, с большой лохматой красной шевелюрой. Перс удивлённо повернулся к нему, принялся рассматривать нового сторонника, на мгновение забыв об опасности. Высокий худощавый египтянин поразил его своей длинной нечесаной копной ярко-рыжих волос и такими большими ушами, какие бывают только у животных. Он тоже был безоружен. Неожиданно незнакомец быстро, решительно шагнул вперёд, лёгким неуловимым жестом выбросил руку, и под ноги наступавшим покатались сотни мелких чёрных семян. Люди остановились в недоумении. А крошечные горошины стали увеличиваться и в мгновение ока превратились в небольших тёмных крокодильчиков, продолжавших расти. Рептилии разевали зубастые пасти, утробно рычали и хватали египтян за края одежды, рвали ткань. Насмерть перепуганные люди бросились наутек. А сотни крокодилов с удивительной прытью бросились преследовать их. Но красноголовый сжал пальцы, словно собирая просыпанный горох, и, подчиняясь этому жесту, рептилии оставили людей в покое, заторопились плюхнуться в бассейн. Вскоре они все растворились в его водах, словно ничего и не было. Следившие во все глаза за чудными проделками крокодилов, друзья так и не увидели, куда пропал их странный спаситель.

– Что это было? – приготовился снова спросить Ганнибал, но по лицу Арсама, понял, что он готов задать ему тот же вопрос. И сразу начал с ответа. – Представления не имею, кто это мог быть!

– Судя по крокодилам, – поморщился перс, – за нас вступился ещё кто-то из ваших многочисленных богов.

– Можно подумать, ты не рад нашему чудесному спасению.

– Не люблю я таких подарков. Обычно за них требуют большую цену.

– Да что с нас можно взять? – рассмеялся темнокожий. – Мы ведь только рабы номарха.

– Хватит скромничать! Ты теперь богатый человек, – напомнил Ахеменид, – или Херихор так и не заплатил тебе за нового Апеса?

– Я всё не могу привыкнуть, – признался Ганнибал, – что ничего больше не должен номарху.

– Теперь мы неизвестно сколько должны неизвестно кому.

– Возможно, если мы узнаем имя красноголового, всё прояснится?! Эх, права была мать, – вздохнул темнокожий, – когда твердила, что я слишком легкомысленно отношусь к египетским богам. И напрасно я не учил хотя бы: кто есть кто. Сейчас бы мне это очень пригодилось.

– Может, нам у твоей матери и спросить про нашего приятеля? – предложил Ахеменид.

Друзья принялись озираться, но двор номарха был абсолютно пуст. Нигде не осталось ни одного человека.

– Чего они все перепугались и попрятались? – нервно хохотнул друг Арсама.

– И правда, последнее время жизнь течёт так мирно и спокойно, что бояться абсолютно нечего.

– Моя мать раньше не боялась никаких зверей. Вряд ли она убежала далеко. Скорее всего, она где-то здесь, пошли поищем.

Друзья отправились осматривать каждый закоулок между строениями в поместье Херихора, надеясь найти мать Ганнибала и расспросить её обо всем произошедшем с ними в течение этого длинного дня.

Глава тринадцатая НОЧНАЯ ТЬМА

А она сама вышла им навстречу. Спокойная и неторопливая, словно ничего особенного не произошло. Женщина даже подошла к бассейну, зачерпнула рукой воды и ополоснула лицо.

– Я бы на такое не решился, – признался Ганнибал, – после всего того, что из этой воды выскочило и в ней растворилось. Я бы вообще близко не подходил к такому местечку.

– Похоже, твоя мать совсем другого мнения, – заметил перс, – ведёт себя так, словно ничего и не было.

– Ничего себе не было! – возмутился египтянин. – Я своими глазами видел, всю эту мерзость: и Апопа, и крокодилов!

Женщина повернулась к сыну, стала что-то негромко ему объяснять. Арсам прислушивался, но понял только, что она упрекала Ганнибала за излишнюю крикливость.

«Можно подумать, если перестать кричать, что-то изменится», – подумал Ахеменид.

Ганнибал поспешил рассказать другу, о чём ещё ему поведала мудрая мать. И первой реакцией на его слова у перса было – разочарование.

«Учу, учу этот дурацкий язык и по-прежнему понимаю не больше, чем в первый день», – досадовал он.

А Ганнибал растолковывал вдохновенно, широко жестикулировал, удивительно похоже изображая тех, о ком говорил.

– Этот красноголовый, не иначе, бог Сет, видел его красные глаза?!

– Некогда было мне ему в глазки заглядывать! – огрызнулся Ахеменид.

– А я видел, глаза у него краснющие, не хуже, чем голова. Не знаю, с чего он взялся нас защищать, раньше был вполне обыкновенный бог пустыни и засухи.

– Хорошенькая у нас компания! – усмехнулся Арсам. – Бог пустыни, говоришь? Тогда мы уже встречались...

– Когда? Где?

– Совсем недавно, но... мне не понравилось. Тогда не очень-то он был на моей стороне.

– Мать говорит, что Сет мог вмешаться, как бог-воин. Вполне возможно, он заранее принял сторону завоевателей. Ведь богам известно будущее.

– Выходит, и у персов, а значит и у меня, завелся свой божок в этой стране, – рассмеялся Ахеменид.

– Сет – великий воин, помощник Ра, в битве с Аппопом.

– Это с тем червяком из бассейна? – уточнил перс.

– Да, а ещё, мать сказала, он противник Осириса и Анубиса.

– И как вы только разбираетесь, кто чей друг, а кто чей враг?! Ведь всё так быстро меняется. Вот я ещё совсем недавно был убежден, что Анубис – неплохой парень, а Сет – злока. А теперь не знаю, что и думать.

– Что ты там себе напридумал, – поморщился египтянин, – наши легенды веками не меняются.

– Выходит, мы попали совсем в новую легенду. Кто-то сочиняет её прямо сейчас.

– Так не бывает! – отрезал Ганнибал.

– Может быть, у кого-то и не бывает, – вздохнул перс, – а с нами всё происходит именно так.

– Возможно, он прав, – согласилась мать египтянина, – ведь мы не помним те времена, когда создавались прежние легенды. Но кто-то жил в это время.

– Да ну вас! – махнул рукой Ганнибал вместо того, чтобы перевести другу её слова. – Я знаю только, что происходит что-то ненормальное, и хочу вернуться в свою обычную жизнь.

Арсам даже не удивился, что на этот раз прекрасно понял слова египтянки. Ведь понимали же её животные. Чем он, в конце концов, хуже?! Мать Ганнибала, попросившись, отправилась домой, велев сыну не задерживаться.

– Я только передам Убаинер слова Херихора, что номарх прощает нам все долги, и попробую сразу прикупить в её хозяйстве пару хороших волов, – расхвастался сын.

– Может, не стоит подходить к старухе сейчас? Неизвестно, как подействовали на неё последние события, – заметил Ахеменид.

– А мне кажется, – возразил его друг, – именно сейчас она и не станет проявлять своей обычной жадности. Тем более...

– Тем более к тебе – любимцу богов, – рассмеялся Арсам, – тому, кого не трогает Апоп, кого защищает Сет и любит новорожденный Апес!

– Напрасно смеёшься, я действительно рассчитываю на лучшее отношение благодаря бычку и всему остальному.

– Желаю удачи.

– А тебе советую лечь спать, скоро ночь, а завтра вряд ли Убаинер предоставит тебе свободный день и возможность отоспаться.

Друзья разошлись каждый в свою сторону, воспрянувший духом Ганнибал отправился к дому номарха, а перс вернулся в своё тёмное жилище, ища уединения, чтобы принести молитвы Ахура Мазде.

Он уже принялся вспоминать слова привычной молитвы, но в тёмной комнате не на чем было остановить взгляд – ни огня, ни даже крохотного оконца.

– Нет! Не так!

Перс решительно повернулся и вышел во двор. Он быстрыми шагами подошёл к бассейну, наклонился, зачерпнул воды, чтоб ополоснуть лицо и руки. Остановил пробежавшего мимо мальчишку-слугу, как можно страшнее выпалил зазубренные накануне египетские слова:

– Огонь! Лампа.

Мальчонка испуганно выпучил глаза, опрометью бросился к дому номарха.

– Хотел бы я знать, понял он меня или нет, – вздохнул перс, – он бы хоть головой кивнул в знак согласия.

Арсам не успел придумать, куда бы мог убежать не понявший его слуга, как смыслённый мальчуган появился, неся зажжённую масляную лампу в руке.

– Похоже, я недооценил свой египетский, – порадовался Ахеменид.

Заполучив огонь, он отправился исполнять зороастрийский ритуал, однако, глядя на язычок пламени и произнося, обращаясь к нему, слова Ахунвара, он всё не мог сосредоточиться. Так и стояли перед глазами отчаянно перепуганные лица египтян: слёзы женщин, ревущие ребятишки. И заканчивая обычное обращение к богу, перс неожиданно для себя добавил:

– Боже, помоги этим людям.

Ахемениду оставалось только лечь спать. Он опустил на свою циновку, усталый и опустошённый, как никогда. Арсам был удивительно серьёзен и даже не старался вернуть своё обычное легкомыслие. Перс задумался над происшедшим за день, но причуды египетских богов занимали его меньше всего. Ахеменид вдруг почувствовал себя ответственным за всех персов, которые вот-вот наводнят эту землю.

– Угораздило же меня оказаться в Египте раньше персидской армии...

Арсам поймал себя на том, что уже желал, конечно, не поражения Камбизу, но всевозможных препятствий, которые способны отсрочить его поход. Знакомые с детства люди из персидских дворцов показались Ахемениду слишком далёкими и чужими.

Но родственник царей не привык долго пребывать в плохом настроении, он отодвинул от себя мрачные мысли, решив, что додумает их завтра или когда-нибудь потом и, может быть, найдёт верное решение. Но ночное время слишком располагало к мечтам и сомнениям; чтобы легче избавиться от нахлынувшей тоски, Арсам без сожаления оставил свой тёмный уголок и пошёл искать Анахит. Влюблённый вполне отдавал себе отчёт в том, что поступает слишком опрометчиво, но ничего не мог, а главное не хотел с собой поделаться.

Благополучно миновав погруженный во тьму двор, Ахеменид остановился на пороге дома номарха, но он сомневался всего мгновение, отодвинул плотную циновку, шагнул внутрь. Здесь не скупилась на масло, весь дом был залит весёлым жёлтым светом множества ламп. Из-за них персу гораздо тяжелее было оставаться незаметным. В коридоре он сразу наткнулся на мальчишку-слугу. К счастью, тот не решился закричать сразу, а Арсам успел зажать ему рот, прошипел:

– Тише! Всё хорошо.

Египтянин ему не поверил и, куснув за палец, бросился наутек. При этом он так громко визжал, как и десять поросят не смогли бы. Взбешённый искатель приключений поспешил покинуть жилище Херихора. А в доме уже поднялся шум, к визгу мальчишки добавился кашель и карканье старухи и неприятные выкрики Петубаста. Перс готов был стрелой метнуться через двор обратно в своё убежище, но задержался, прислушиваясь, стараясь различить мелодичный голос Анахит. Её слышно не было, а переполох всё нарастал. Арсам только успел прижаться к стене, когда мимо него понеслись запуганные хозяйкой слуги. Ахемениду оставалось только подождать, пока они убегут к воротам, чтобы неторопливо вернуться к себе. Когда двор номарха наполнился свирепым лаем старухи, он уже был в безопасности и бранил себя за то, что так глупо устроил переполох.

– Только бы эта история ничем не навредила Анахит, – сокрушался влюблённый.

Но он напрасно решил, что всё уже позади. Распалившаяся мать Херихора не собиралась успокаиваться и ложиться спать. К тому же она и мысли не могла допустить, что кто-то останется спокоен, когда Убаинер так волнуется. Не долго думая, старуха велела созвать всех убау и хенуу. Не прошло и четверти часа, как всех работников номарха собрали во дворе у бассейна. Разбудили даже мирно спавших после трудового дня крестьян, чьи домишки были расположены поблизости. В толпе египтян Арсам снова встретил Ганнибала.

– Что опять стряслось?! – возмущался темнокожий. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул зороастриец.

Египтянин сурово посмотрел на друга.

– Ну, сознавайся, что натворил на сей раз!

Ахеменид не успел поведать ему о своих приключениях, как к ним подошла мать Херихора, таща за руку поднявшего тревогу мальчишку. Она тыкала пальцем в собравшихся мужчин, а пацан отчаянно мотал головой.

– Нет, не он. Не он, другой.

Когда кривой палец указал на перса, мальчуган съёжился и промолчал, не зная, чего бояться больше: гнева хозяйки или мести иноземца. Старуха сразу разгадала его сомнения, подступила к Арсаму и завизжала:

– Ты! Это ты был в моем доме!

Ахеменид смерил её надменным взглядом, не стал отпираться:

– Я.

Он был готов к проклятиям и обещаниям страшных наказаний, но мать Херихора его удивила:

– Вор! Верни!

– Что... вернуть?

– Ты сам знаешь! Верни, что украл! – пролаяла старуха.

Сбитый с толку, Арсам не знал, что и думать.

– Ты украл! Украл!

– Да что?

– Ты украл котят!

Перс решил, что неверно понял египтянку. Попытался припомнить похожие слова, но смысла всё равно не было.

– Котят! Котят! – кричала старуха. – И не делай вид, что не понимаешь меня! Я видела, как Анахит объясняла тебе и показала наших котят.

Арсаму показалось, что он сошёл с ума. Ладно, когда невероятные странности творят чужие дурацкие боги, но мать Херихора стояла перед ним – реальная из крови и плоти.

– Котята... Зачем... – растерянно бормотал Ахеменид. – Я вообще собак люблю, а ещё больше лошадей... Зачем мне котята?

Зато старая мать номарха нимало не сомневалась, что её котята представляют огромную ценность для иноземца, и сердилась все больше.

– Я заставлю тебя сказать, куда ты их дел!

Перс догадывался о смысле её угроз, не понимая ни слов, ни причины. Его, конечно, радовало, что старухе и в голову пришла истинная цель его проникновения в дом, но то, что происходило, было так странно...

– Идём! – бешено скомандовала мать Херихора.

Она схватила иноземца за руку и потащила его к абсолютно тёмному рабскому жилищу.

– Я только что оттуда, – удивлялся перс, – нет там ничего интересного.

Но старуха не хотела его даже слушать, торопилась к одиноко стоявшему строению. Следом за ней семенили слуги с яркими факелами. Когда все они столпились в крохотной комнатке со столбами, Ахеменид впервые увидел её ярко освещённой. Штукатурка на стенах оказалась незаконченной и уже облупившейся фреской с ибисами и другими пёстрыми птицами. На столбах ещё видны были чёткие профили важных фараонов и узоры из длинных остроконечных листьев, напоминавших папирус. Но самое удивительное было гораздо ниже – на полу. По брошенной там циновке, заменявшей постель пленнику, ползали весёлые и деловые котятки длиннохвостой Баст. Четверо – белый, серый и два полосатых.

– Откуда? – поразился Арсам.

В ответ ему раздался радостный писк пёстрой семейки. Между ног толпившихся вокруг циновки людей с важным видом, самодовольно задрав хвост, прошествовала любимая белая кошка Анахит. Все невольно посмотрели на неё – заботливая мамаша в зубах несла, ухватив за загривок, последнего рыжего котенка. Дойдя до циновки, она опустила кроху рядом с остальными радостно приветствовавшими её котятками и завалилась на бок, чтобы покормить своих прожорливых деток. Все пятеро уткнулись носами в её мягкий живот.

Старуха издала странный громкий звук, выражавший, видимо, досаду. Ничего больше не говоря, Убаинер резко повернулась и вышла из комнаты, слуги последовали за ней, унося всё освещение.

– И это всё?! – бросил перс им вслед.

Не получив никакого ответа и оставшись в полной темноте, он проворчал недовольно:

– Что ж она не забрала своих драгоценных котят, если так ими дорожит?! А что мне-то теперь делать? Лампа давно погасла, циновку заняли хвостатые, ночь обещает быть долгой.

Кромешная темнота отняла зрение, зато обострила другие чувства. Арсам слышал, как жадно чмокают голодные котятки. Влюблённому показалось, что он различил тонкий аромат душистого масла. Запах усилился, когда изящная рука отогнула край циновки, закрывавшей вход.

– Анахит, – вздохнул Арсам.

Он хотел добавить, что бесконечно счастлив, но следом за его любимой в комнату ввалились старая мать номарха и его сынок.

– Ну, зачем они вернулись?! – простонал Ахеменид.

Слуг не было, факел нёс сам долговязый Петубаст. По стенам поползли чёрные тени. Самая уродливая почесала длинный нос и заговорила. Старуха старалась говорить тише, и её карканье на этот раз напоминало кашель простуженной змеи. Анахит с прежней покорностью переводила, не глядя на пленника:

– Убаинер говорит, чтобы ты не надеялся, что всё кончилось. Конечно, она не о котятках беспокоилась. Просто она не хотела, чтобы об этом знали все слуги.

– Так лучше и мне не знать?!

– Она уверена, что ты всё-таки был в доме номарха.

– Хотел бы я, чтоб это было не так, – признался перс.

– Она не спрашивает тебя, так ли это, она уверена. Верни то, что ты там взял.

– Опять двадцать пять! – возмутился Ахеменид. – Вместе с котятками кошка утащила что-то ещё, только я здесь ни при чём!

– Кошка не могла утащить то, что ищет моя свекровь, – заверила Анахит.

– Расскажите, наконец, что пропало? – вспыхнул Арсам. – Сколько можно напускать таинственность?

– Свекровь говорит, что такие вещи вслух произносить не стоит.

– Какая таинственность, – передразнил серьёзную женщину перс, – пусть она скрывает сколько ей угодно, но хотя бы ты можешь объяснить мне, что происходит? Или ты тоже считаешь меня вором?

– Нет, – вздохнула Анахит и потупилась, – но я не знаю, не станет ли ещё хуже, если мы будем говорить об этом.

– Не станет, – уверенно заявил Ахеменид, – всё найдётся так же легко, как котятка.

– Ты не знаешь, о чём говоришь!

– Так просвети меня! До чего же вы странные!

Анахит задумалась, посмотрела на старуху, произнесла торопливым, испуганным шепотом:

– Пропала волшебная жемчужина.

– Волшебная? – усомнился зороастриец.

– Ею была украшена корона верховного жреца. Её надевали, чтобы общаться с богами.

– С какой-то шапки выпала кругляшка, а я виноват?! – презрительно воскликнул Ахеменид.

– Тише! Не говори так! – ужаснулась жена номарха. – Не то накликаешь беду.

– Последнее время беды пристают ко мне безо всякого моего участия. Передай старухе, что жемчужина мне не нужна и что я её видеть не видел.

Анахит стала переводить, старательно смягчая выражения, но Убаинер, недослушав её, разразилась криком и кашлем:

– Она не верит, – вздохнула женщина.

– Тогда пусть поищет, как следует, наверняка, потеря завалилась просто в какой-нибудь пыльный угол, – посоветовал Арсам.

– Я не могу сказать ей такое, – запротестовала Анахит.

– Тогда скажи, чтоб она обыскала здесь каждый шаг, мне прятать нечего.

Эту фразу Анахит решила передать старухе, хотя персу и показалось, что она наговорила гораздо больше.

«Ещё и оправдывается», – подумал Ахеменид.

Жена Херихора сумела уговорить его разгневанную мать успокоиться и начать поиски. Старая хозяйка готова была обнюхать пол и стены маленькой комнатки. Внук всюду следовал за ней, высоко подняв факел. Когда они зашли за столб, Арсам воспользовался тем, что остался вдвоем с Анахит, и прошептал ей:

– Ты же понимаешь, что я приходил в дом номарха не для того, чтобы воровать его волшебную чепуху. Я только хотел увидеть тебя.

Женщина номарха не ответила, а влюблённый продолжал:

– Все обвинения – ерунда, бред, хотя я, конечно, вор, но я мечтаю украсть у Херихора только одну драгоценность. Все его богатства – прах. А тебя я обязательно украду!

Анахит поспешно зажала ему рот.

– Никогда не говори этого! Боги нас покарают, или Херихор убьёт меня!

Она хотела отдернуть руку, увидев, что старуха с внуком вышли из-за столба, но влюблённый остановил её движение, шепнул:

– Хорошо, я украду тебя молча.

Анахит набрала воздуха, чтоб возмутиться и отругать дерзкого иноземца, да старуха неожиданно направилась в их сторону, и они отступили на шаг друг от друга и замерли с видом нашкодивших детей. Мать Херихора была слишком занята поисками, чтобы заметить это. Она снова принялась кричать о своём:

– Здесь ничего нет, – переводила жена номарха, – ты спрятал жемчужину в другом месте! Знаешь это и радуешься! Но она заставит тебя сознаться, где драгоценность.

– Что ж, придется срочно это выдумать.

Напрасно Арсам так легкомысленно отнёсся к претензиям матери номарха. Она была настроена очень решительно. И над головой племянника царя Парсы нависла настоящая беда. Старуха смотрела на него так, словно хотела испепелить. Гордый Ахеменид не отвел глаз. И хозяйка совсем рассвирепела:

– Ну, берегись, – грозно прошипела она, – я заставлю тебя сознаться, зачем ты выкрал реликвию!

Когда Анахит переводила слова Уайнер, голос у неё предательски дрогнул, она добавила торопливо:

– Отдай ей жемчужину, зачем она тебе?!

– Нет у меня никаких реликвий! – воскликнул честный зороастриец. – Для меня в доме номарха ты – единственная драгоценность!

– Ах, не до этого теперь, – вздохнула женщина, – моя свекровь способна на любую жестокость.

– Думаешь, я испугаюсь какой-то старухи?!

– Молчать! – взвизгнула мать Херихора. – Что вы там шепчетесь за моей спиной!

Анахит взволновано уверяла, что только пыталась уговорить иноземца сознаться в содеянном, но мать номарха не хотела ей верить, слушала невнимательно, злобно чесала щёку, сосредоточенно жевала губами. Наконец произнесла раскатисто, почти спокойно:

– Волшебную жемчужину я всё равно найду, а тебя, хенуу, ждёт страшная казнь.

Переводя её угрозы, Анахит побледнела, говорила совсем тихо. Арсаму же ситуация всё ещё казалась комичной. Только скорбная бледность любимой женщины вызвала у него тревогу. События развивались стремительно и так невероятно, что с изобретательностью матери Херихора не могли бы сравниться и боги Египта. Она кликнула слуг, и маленькая комната снова наполнилась людьми с оружием в руках. Команды старая египтянка отдавала жёстко и коротко, словно воин, давно привыкший управлять армией. Перс не понимал её приказов, а молодую жену своего сына старуха выпроводила, едва начав отдавать распоряжения. Ахемениду всё происходившее вокруг показалось дурным сном. Он не стал сопротивляться, когда вооружённые слуги сопроводили его до соседнего низкого строения, вовсе лишенного окон. Внутри стояла плотная духота и темнота. Рыжий свет факела разогнал мглу, и Арсам увидел, что вокруг толпились каменные атрибуты египетского погребального обряда: громадные саркофаги, покрытые резьбой и позолотой, каменные плиты, испещрённые надписями, разные фигурки людей и богов, золотая утварь.

– Молчишь?! Ну, молчи, молчи!

Старуха погрозила Ахемениду своим костлявым пальцем, зло каркнула что-то ещё, и палец резко указал на громадный каменный саркофаг, лежавший рядом. Четверо слуг, исполняя приказ, бросились поднимать тяжёлую верхнюю плиту с барельефами богов загробного мира. С громким кряхтением они сдвинули её с места и приподняли. По новому карканью им на помощь ринулись ещё двое, и вместе им удалось снять плиту, открыв тёмные внутренности каменного гроба. Острия египетских топоров упёрлись Арсаму в грудь, и он заметить не успел, как повалился на дно саркофага. Он пытался подняться, но слуги номарха опустили над ним каменную плиту, оставив только узкую щель над головой. В неё Ахемениду был виден только колыхавшийся свет факела и слышен голос матери номарха, намеренно отчетливо произнесшей:

– Ты дышать, умирать медленно от голода!

Она даже сунула палец в щель, чтоб пленник лучше её понял.

Глава четырнадцатая ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Мгновение спустя вокруг саркофага стихли все звуки и пропал рыжий свет. Темнота опустилась такая чёрная и густая, что перс не мог отличить узкого оставленного ему отверстия от мглы внутри саркофага. Ему показалось, что он ослеп и оглох.

С жуткой ясностью Арсам вспомнил надменные слова Сета: «Теперь тебя замуровали и забыли». Со всех сторон его сковывал холодный мёртвый камень, шевельнуться было невозможно, кричать бесполезно. Впереди оставалась только медленная мучительная смерть. Отчаяние смертельным холодом облило сердце.

– Неужели это всё, конец?!

Глухая тьма была ответом. Молодость и сила восстали против неё.

– Дышать! – яростно повторил Ахеменид.

Он с трудом согнул руки, нащупал щель, просунул в неё пальцы и, вложив в один рывок все силы, дёрнул плиту, стараясь расширить щель. Раздался противный короткий скрежет камня, сообщивший приговорённому, что попытка удалась: хотя бы чуть-чуть отверстие щели увеличилось. Упрямый Ахеменид повторил движение. Он ни о чём не думал, не чувствовал, только вслушивался в короткий тяжёлый скрежет. И повторял, повторял движения, вкладывая все силы в кончики пальцев.

В ушах шумело от страшного напряжения, но щель очень медленно увеличивалась. В неё перс уже мог засунуть ладонь, потом даже кулак. Ещё усилие – и пленнику показалось, что он сможет просунуть голову, он потянулся к спасительному отверстию... щель оказалась слишком мала. Ахеменид продолжил свой адский труд, пока были силы. Усталость навалилась – тяжёлая, вязкая, равнодушная. Он с трудом заставил себя поднять голову, она легко прошла в неожиданно широкую щель. Ахеменид змеёй протиснулся в образовавшееся отверстие, выбрался из саркофага и совсем без сил повалился на пол рядом с ним.

Перс тяжело дышал, хватал ртом спёртый воздух, казавшийся ему прохладным и свежим после тесной духоты каменного гроба. Мысли текли медленные и вялые. Не хватало сил даже порадоваться обрётённой свободе. Постепенно через усталость пробилась тревога:

«Нельзя, чтобы меня нашли здесь! Надо уйти, уйти, но куда?»

Убежать далеко Арсам был не в состоянии, и как-то само собой пришло решение спрятаться там, где его точно не будут искать.

– Пускай все думают, что я всё ещё лежу в этом каменном гробу, – измученно улыбнулся перс.

Он медленно встал, навалился на верхнюю плиту саркофага и последним усилием сдвинул её обратно. Шатаясь и волоча ноги, пленник вернулся в комнату с двумя столбами и рухнул на свою старую циновку.

Анахит семенила следом за свекровью, не смея возразить её свирепому гневу. Она впервые видела Убаинер такой взбешённой. Старуха часто проявляла свой крутой нрав, но её крики и брань никогда не угрожали ничьей жизни. Дочь Мидии не могла понять причину такой перемены. То ли мать номарха слишком сильно испугалась пропажи реликвии, то ли отсутствие Херихора позволило вырваться на свободу её кровожадности.

Молодая женщина поверить не могла в то, что гордый перс умрёт. Она винила себя в том, что произошло. Когда мать Херихора немного успокоилась, отложила на утро новые поиски жемчужины и согласилась лечь спать, Анахит выждала, пока в доме настала полная тишина, и выскользнула во двор.

Быстрым шагом она добежала до строения, где хранились заранее приготовленные богатства будущей гробницы номарха, и, не зажигая лампы, вошла в кромешную темноту, позвала:

– Арсам, Арсам, ты меня слышишь?

Не получив ответа, спохватилась:

– Нет, нет, лучше молчи, не отвечай. Я только быстро скажу то, что должна, и уйду, пока меня не хватились. Я знаю, отчего на нас обрушились все эти ужасы и несчастья: и сундук Херихора утонул, и горящую стрелу нашли, и жертвенный бык пропал, и священная реликвия потерялась... Всё пошло не так, как раньше... всё изменилось. Я думала... я поняла, – взволновано шептала женщина, – всё началось с того дня... как только я тебя увидела... я не люблю Херихора, но я всегда была верной и честной супругой. Не знаю, как у вас, но в Египте очень много значит соблюдение традиций. Муж имеет право побить, даже убить неверную жену... Анупу убил свою жену и бросил собакам, а Бата сжег неверную... конечно, у нас таких мужей судят, но... мужьям достаточно поклясться, что женщины были виновны в измене... Я нарушила... я не должна была... не должна была даже замечать других мужчин. Я жена номарха! Я должна быть всегда образцовой женой. А последнее время... я была слишком... слишком внимательна к тебе. Я нарушила обет, данный моему мужу. Я накликала беду! Мы не должны больше видеться! Я пришлю слуг, они поднимут плиту, и ты должен бежать, бежать как можно дальше отсюда! Сегодня уже поздно, потерпи до следующей ночи. Но я больше не приду... никогда... прощай!

Анахит вытерла со щёк слезы, повернулась и бегом убежала прочь.

Уже утром, когда двор заливали яркие солнечные лучи, она остановила у бассейна мальчишку-слугу, того самого, который поднял ночной переполох.

– Ты видел сегодня мою кошку?

– Нет, госпожа, она так и осталась с котятками в заброшенном доме, где жил белый раб номарха, – задумавшись на мгновение, ответил бдительный египтянин.

– Пойди, возьми корзинку, принеси в дом всех котят и Баст не забудь, – распорядилась жена номарха.

Она вернулась в прохладную тень дома, прячась от палящих лучей. А мальчуган побежал исполнять, опередил её, попался навстречу с корзинкой в руках.

Не успела Анахит подняться на второй этаж и, взяв в руки нитки, сесть за свой ткацкий станок, как с улицы раздался новый душераздирающий крик малолетнего слуги. Вместе со всеми женщина поспешила туда, где завис на одной высокой ноте его перепуганный вопль. Египтяне спешили к стоявшему отдельно заброшенному зданию, отведённому номархом для пленника. Следом за шустрými убау, ковыляла и мать Херихора со своим любопытным внуком. Удивлённая Анахит старалась держаться рядом с ними. Так она и зашла в полутёмную постройку следом за бурчавшей ругательства старухой.

Из-за сгорбленной спины Убаинер молодая женщина взгляделась в сумрак комнаты с двумя столбами и лишилась дара речи.

Она сразу увидела целого и невредимого Ахеменита, надменно сверху вниз взиравшего на собравшихся. Он был абсолютно спокоен и даже улыбался своим недавним мучителям. Арсам стоял, небрежно прислонившись к колонне, скрестив руки на груди, а у его ног... рыжий котёнок весело гонял по полу большую перламутрово-голубую жемчужину.

Мать номарха захлебнулась кашлем, Петубаст привычно принялся лупить её по спине, растерянные слуги не знали, как себя вести. Наконец старуха смогла выдать:

– Ужас! – и напустилась на внука. – Прекрати меня бить! Мал ещё так с бабкой!

Парень попятился от неё, а носатая всё каркала:

– Кошмар! Такого быть не может! Это что же получается? – задумалась она. – Боги на его стороне?! Кошмар!

Анахит не знала, что ей делать, избегала сурового взгляда свекрови. Та поманила её кривым пальцем:

– Переводи!

Но Убаинер сама ещё не решила, что должна сказать странному иностранцу, только жевала губами, решительно открывала рот и захлопывала его снова. Так ничего и не придумав, она рывкнула на внука:

– Давай, подними жемчужину! Долго она будет валяться?

Выпучив глаза от усердия, парень ринулся отбирать у котёнка игрушку. Да не тут-то было! На защиту малыша встала разгневанная Баст. Кошка выгнула спину, прижала уши, зашипела. Даже её молочно-белый мех потемнел и перестал казаться мягким. Рядом с матерью шестеро злющих котят показывали мелкие зубки и громко пронзительно мяукали, воинственно дёргали хвостами. Сын Херихора невольно отступил назад.

«Завидую я кошкам, – зло подумал Арсам, – я сам готов порвать этого сосунка и всех египтян!».

Он готов был рычать от досады.

«Проклятие! И зачем сюда припёрся мальчишка?! Опять принялся орать, созвал всех».

Ахеменид только с виду казался спокойным и надменным. Внутри у него всё клокотало. Мешались злость на себя и на весь белый свет за то, что он так глупо попался, и отчаянный протест против неизбежного нового попадания в каменный гроб или ещё куда похуже. Но гордый перс старался не подать виду. Он наклонился, небрежно подхватил красивый шарик, подбросил на ладони. Произнёс насмешливо:

– Кажется, весь сыр-бор из-за этой игрушки?!

Старая мать номарха сразу протянула руку к жемчужине. Скорчила жуткую гримасу и прохрипела:

– Отдай! Отдай, уронишь!

Легкомысленный Ахеменид сделал вид, что драгоценность выскользнула у него из рук. Старуха задохнулась от страха, а поняв, что пленник издевается, резко повернулась к Анахит, схватила её за плечи и принялась трясти, брызгая слюной и повторяя:

– Скажи! Скажи ему!

Молодая женщина высвободилась из её цепких пальцев, отодвинулась с неприязнью. В это время котят, оставшиеся без игрушки, занялись сыном номарха, как умели демонстрировали свою неприязнь. Они лезли царапать и кусать босые ноги подростка. Он старался избавиться от них, пинал одного, другие нападали ещё ожесточённой. Парень взвыл и убежал прочь. Довольные победой, котятка принялись вылизывать лапы. А Убаинер разразилась длинной шумной тирадой, она торопилась, выкрикивала короткие злые слова ещё неразборчивей, чем обычно. Анахит невольно морщилась, слушая её, потом обратилась к Арсаму:

– Лучше сам отдай жемчужину моей свекрови, она способна на страшное.

Убаинер ругалась, требуя переводить точнее. Ахеменид без лишних слов просто протянул жемчужину Анахит:

– Отдай, пусть старушка порадует, – улыбнулся он.

Женщина осторожно взяла драгоценность. Залюбовалась большим перламутрово-голубым морским чудом. Мать Херихора выхватила жемчужину из её рук. Перебросила из одной руки в другую, словно обожглась на ладони, поднесла к самому лицу. Зашептала что-то неразборчивое. Перевела взгляд на Ахеменида, зашипела угрожающе:

– Ты должен быть наказан! – перевела Анахит.

– Бесплезно! – усмехнулся Арсам.

Узнав его ответ, старуха задумалась, почесала длинный нос, морщинистую щёку, хмыкнула, сказала с досадой:

– Похоже, что бы я ни придумала, боги всё исправят... но я не могу всё оставить просто так...

Анахит негромко передавала её слова, не заботясь о том, что мать Херихора говорила их самой себе. Перс продолжал надменно улыбаться, чтобы никто не заметил, как он сжал зубы и напряжённо вслушивался в угрозы египтянки. Убаинер продолжала рассуждать вслух, перебирая казни одна страшнее другой. Анахит перестала переводить, молча слушала свекровь. Та разошлась не на шутку, выдумывая всё новые и новые зверства. Молодая женщина бледнела, слушая её; неожиданно румянец вернулся на щеки Анахит, она была счастлива сказать Арсаму:

– Мать моего мужа передумала устраивать тебе наказания, опасаясь гнева богов. Последнее время они уж слишком часто вставали на твою сторону. Она говорит, что и без тебя у неё забот хватает.

– Неужели старуха решила меня отпустить совсем? – не поверил пленник.

– Нет, конечно, такое решение может принять только сам номарх. Но до его возвращения она оставит тебя в покое.

– Не хочу даже думать, какой покой она мне готовит.

– Надеюсь, она действительно забудет о твоём существовании, но...

Старуха зло дёрнула её за руку:

– Прекрати болтать с ним! Не смей даже внимания на него обращать!

По команде матери номарха все египтяне дружно ринулись из жилища пленника. В дверях образовалась толкучка. Старуха с величественным видом подождала, пока проход освободится, и с гордо последовала за остальными. Анахит хотела задержаться, но передумала и заторопилась проскользнуть вперёд Убаинер.

– Весело, – попыток Ахеменид, – в который уже раз за последнее время впору спросить, что будет дальше.

К нему бегом вернулся мальчишка-слуга, вопреки обыкновению он не стал поднимать шум, а только торопливо собрал котят в большую корзину и убежал с ней восвояси. Белая Баст, недовольно дёрнув хвостом, последовала за ним. Арсам остался один и воспользовался одиночеством, чтоб поразмыслить. Он опустил на грубую циновку, отодвинул мешавший лук.

«Будем считать, что мне довелось родиться заново, – невесело подумал он. – Хотя обряд похорон в египетском саркофаге нельзя назвать торжественным, но он был вполне серьёзным. В мире мёртвых я уже бывал, с богами общался, в саркофаге валялся. Все условия соблюдены. Можно начинать новую жизнь».

– Впервые вижу такую наглость, – услышал перс насмешливый голос над головой. – С богами спорить – ещё куда ни шло, но самому определять время смерти и нового рождения – наглость невиданная.

Анубис возник из стусившегося мрака, жадно облизнул шакалью пасть.

- Ты что, слышал мои мысли?! – возмутился Ахеменид.
- Эка невидаль, все это могут. Только глупые людишки полагают, что их мысли тайны.
- Значит, бог оценивает и наши мысли тоже?
- Ну уж нет, для этого вполне достаточно и поступков. У вас в головах такая каша.
- И всё-таки, интересно было бы узнать некоторые мысли...
- Так я и дал тебе возможность читать мысли бедной Анахит. Постыдился бы!
- Вот уж не думал, что меня станет учить скромности драный пёс.
- Не пёс, а шакал, – обиделся Анубис, – хотя ты прав, не моё это дело. Пусть другие заботятся о твоих манерах.
- И кто у вас за это отвечает? – поинтересовался перс.
- Анубис не стал отвечать и вовсе исчез. Озадаченный, Арсам уставился на дверь, догадываясь, что бог просто не захотел быть замеченным. На удивление, долго никто не появлялся, и Ахеменид вернулся к своим размышлениям:
- «Дед сказал бы, что новая жизнь дается человеку, для того чтоб исправить прежние ошибки. Что же должен исправить я?!»
- Перс нахмурился, перебирая последние события.
- «Хорошо было бы вовсе не попадать в Египет. Особенно вот так, по глупому. Моя жизнь шла так красиво и понятно до того самого дня...»
- Додумать ему не дал весёлый голос Ганнибала:
- Мне, конечно, запретили с тобой общаться, типа, тебя и нет совсем, – сказал он, входя, – но моё желание поговорить требует собеседника.
- Выражаешься красиво, точно как придворный астроном, – улыбнулся Ахеменид.
- Однажды мне довелось общаться с одним поэтом, у него слов и нахватался. А ты здесь совсем одичал, – насмешливо заметил Ганнибал. – Нет, чтобы обрадоваться, поздороваться...
- Тут ты прав, озвереешь от ваших порядков, – бросил Арсам.
- С чего бы тебе звереть? Подумаешь, в гробу полежал, у нас часто живьём хоронят.
- Милая страна. Всё больше хочу сбежать отсюда.
- Спорим, на что хочешь, ты так и не сбежишь. Красивые глаза не отпустят.
- Опять ты прав, – вздохнул перс, – я уж было решился, да что мне делать далеко от неё?!
- Темнокожий уселся рядом с пленником номарха на циновке, похлопал друга по плечу.
- Застрял, застрял, брат, придётся ждать твоего царя, как его там?
- Я начинаю забывать обо всём, что осталось в Персии, и про Камбиза тоже, – признался Арсам, – что-то даже не верится, что он сюда явится.

– А по мне, так лучше б не являлся, только-только жизнь налаживается, – сказал египтянин.

– Разве это жизнь, – возмутился Ахеменид, – работа, работа от зари до зари!

– Я другой не знаю. Я ведь не царских кровей, – напомнил Ганнибал.

– И что же, награда за Апеса ничего не изменила?

– Купили быков, теперь работа пойдёт легче. Я сегодня потому и пришел, что старуха назначила мне, только опять всё отложила. Злющая – на весь белый свет. Это опять ты что-то натворил?

– Само собой, – рассмеялся Арсам, – какой же ты невнимательный, знаешь, что хозяйка меня похоронила, и не удивляешься тому, что я сижу здесь.

– С тебя станется! Опять, небось, боги постарались.

– От них дождёшься, – скептически произнес перс, – пришлось всё самому.

– Ты бы лучше не испытывал судьбу, – посоветовал осторожный египтянин, – однажды твоё сказочное везение может кончиться.

– О плохом я предпочитаю не думать.

– Только обещай: в следующий раз, когда задумаешь что-нибудь эдакое, обязательно предупреди меня.

– Непременно, – пообещал Арсам, – если успею. Последнее время я не успеваю даже заметить, как оказываюсь в разных переделках.

– Придется за тобой последить, а то мне всё не удаётся вернуть тебе долг. Я ведь прекрасно помню, кому обязан жизнью.

– Уверен, подходящего случая долго ждать не придётся. Я сам не успеваю следить за собственной жизнью.

– Что ж, буду держаться поблизости. Только не здесь: местечко мрачное, цинковка дрянная...

Ганнибал вскочил на ноги, отряхнулся.

– Эх, были бы мы в Персии, – предался приятным мечтам Ахеменид, – сидели бы мы на мягком шерстяном ковре. Ты, небось, и не знаешь, как это хорошо.

– Может быть, во дворце фараона такое есть, да я в гостях у него никогда не был.

– Не понимаю, как вы вообще обходитесь без стольких удобных вещей? – заметил Ахеменид.

– Даже в твоей чудной стране, – обиженно сказал египтянин, – рабы не могут жить так же удобно и приятно, как цари.

– И опять ты прав.

– Что-то сегодня ты слишком легко соглашаешься, сам на себя не похож, – сощурился Ганнибал.

Подозрительность омрачила его лицо, но быстро сменилась обычной озабоченностью.

– Я теперь и не могу быть как раньше. Теперь у меня новая жизнь, – торжественно признался его друг.

– Интересно, и надолго ты сохранишь такое настроение? Давай быстрее становись обычным, – потребовал Ганнибал, – а то мне некогда ждать твоих превращений. Обещал отцу сходить по-быстрому. Я ещё зайду завтра.

– Возможно, завтра я сам навещу твой дом, кто знает.

Друзья простились, Ганнибал отправился обратно в свою хижину, так ничего и не добившись от сварливой матери номарха. А любопытный перс не смог усидеть на месте и высунул голову из своего жилища. Двор был залит жёлтым египетским солнцем. Солнечные зайчики отражались от поверхности воды, и бассейн красиво искрился. Анахит стояла возле него о чём-то задумавшись. Влюблённый больше не мог оставаться вдали. Арсам решил подойти к молодой жене Херихора. Она встретила его холодным, строгим взглядом.

– Тебе велели оставаться на своем месте. Не стоит лишний раз попадаться на глаза хозяйки.

– Только ты моя настоящая хозяйка, – мягко произнёс Ахеменид.

Анахит не улыбнулась в ответ, наоборот, намурировала брови, сказала сурово:

– Ты раб – хенуу номарха и должен выполнять его приказы.

– Но Херихора здесь нет, – лукаво напомнил влюблённый.

Женщина словно холодной водой его обдала, ответив жёстко:

– Пока его нет, приказы отдает его мать. Она велела тебе сидеть там, – Анахит указала на оставленную персом постройку.

– Но вчера... – начал было влюблённый, – мне показалось...

– Ты ошибся, – отрезала жена номарха.

Озадаченный её холодностью, перс отошел в сторону, но не спешил исполнить давно данный приказ.

«Ах, так! – в сердцах думал Ахеменид. – Не знаю, что вызвало в ней такую перемену, только я этого терпеть не собираюсь! Теперь меня ничего здесь не держит! Пускай командуют другими, а я уйду! Для начала найду Ганнибала».

Он уже решительно направился прочь со двора, когда услышал пронзительный вопль старухи-хозяйки и был остановлен острыми топорами её слуг.

Глава пятнадцатая ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ

Носатую старуху привело в бешенство новая встреча с непокорным пленником. Она бы приказала его убить на месте, да вовремя вспомнила, что обещала сыну беречь его собственность и ничего не решать без него. Топнув с досадой ногой, она принялась кричать и отдавать

распоряжения. Перс не мог понять смысла её карканья, но уловил только короткое и ненавистное:

– Цепь! Посадить его на цепь!

Больше гордый Ахеменид не собирался спокойно подчиниться. Он голыми руками готов был воевать с целым полчищем. Вырвал топор из рук неловкого египтянина, отмахнулся от нападавших, сам сделал выпад.... Слуг в доме номарха оказалось больше, чем представлял себе перс. Кроме пятерых неумех с топорами, у бассейна появились ещё трое лучников.

– Вот вам и война, – прорычал родственник Камбиза

Жало стрелы свистнуло у самого уха. Копейщики отступили, позволяя лучникам прицелиться, те привычно натянули свои тетивы...

– Эти не промажут, как Херихор, – буркнул Ахеменид.

Арсам не успел решить – лучше ли смерть в бою, чем жизнь в оковах, как вдруг он различил за их спинами хитрую шакалью морду. Перс решительно бросил свой топор на землю, вспомнив, как легко освободил его ушастый бог. Пленник позволил отвести себя в обычное мрачное жилище с двумя безобразными столбами и приковать к одному из них за ногу массивной медной цепью. Ещё в начале драки он успел заметить, что Анахит торопливо убежала в дом, и теперь, сидя на привязи, словно цепной пёс, он ожидал, что любимая вот-вот зайдёт в его жилище. Женщина всё не появлялась, и Арсама одолели сомнения:

– Она спряталась в доме, не желая смотреть, как меня убивают или... – бурчал себе под нос влюблённый, – или ей вообще надоело смотреть на мои напрасные старания сохранять достоинство в этой дурацкой ситуации.

Хмурый и крайне не довольный сам собой, пленник смиренно уселся на свою циновку.

– Видно, тут мне и место, а всё остальное: все эти люди и боги – только глупые фантазии.

Внезапно сумрак в комнате сменился ядовито-зелёным сиянием. Ахеменид не мог сообразить, откуда оно исходит. Зелень сгустилась в плотный мутный силуэт, к немалому удивлению Арсама, начисто лишённый звериной морды и ушей. Мгновением позже Анубис появился совсем с другой стороны. Униженно сложился вдвое, до самого пола кланяясь новому видению.

– Какой зелёный, – поразился перс, разглядывая незнакомого гостя.

Тот, перед кем раскланивался ушастый бог, только шевельнул рукой и возле него появился красивый резной трон. Зелёный опустился на него и лишь тогда снисходительно посмотрел на разглядывавшего его человека. Племянник персидского царя к тому времени успел припомнить, где и когда уже видел зелёного бога. Он даже смог верно назвать его.

– Осирис.

Зелёный бог одарил перса благосклонной улыбкой, произнёс медленно и величественно:

– Это хорошо, иноземец, что ты не совершаешь обычной ошибки египтян. Не люблю, когда смертные забывают моё имя или путают меня с этим.

Он небрежно кивнул в сторону застывшего в почтительной позе Анубиса. На шакалей морде было то подобострастное выражение, с каким собаки поспешно виляют хвостом. А гордый Ахеменид встал и лишь слегка склонил голову перед владыкой загробного мира. Он не мог отделаться от ощущения, что египетские боги разглядывают его, словно диковинного зверя. Племянник царя Парсы чувствовал себя жирафом, привезённом как-то в дар его дядюшке. Персы тоже бегали поглазеть на диковину.

– Что угодно от меня великому Осирису? – прямо спросил Арсам.

– Я не отвечаю на вопросы смертных, – надменно изрек Осирис, – я сам спрашиваю. И плохо будет тому, кто осмелится лгать мне!

– Я понял, это ты про ту процедуру с весами, – порадовался зороастриец.

– Да, – степенно согласился зелёный бог, – взвешивание сердца – часть суда в Дуате над Ка – душой умершего. Весы качаются, если человек лжёт, и остаются неподвижными, если он говорит правду.

– Я только не понял, – дерзко вставил Ахеменид, – для чего на суде понадобилась та уродина с крокодильей пастью, лапами льва и жирной задницей?

– Амнат на одну треть крокодил, на одну – лев, а сзади... – благосклонно улыбнулся Осирис, – последняя треть у неё от гиппопотама. Амнат пожирает сердца солгавших, и они отправляются в ад.

– Выходит, тот нескладный египтянин, которого я застал на суде, заслужил хорошую долю?

– Пожалуй, – кивнул Осирис, – а вот тебя следовало наказать за излишнюю дерзость.

– Будь моя воля, сроду бы не полез в ваш Дуат! – запротестовал перс. – Мне куда лучше среди живых.

– Да, конечно, – снова улыбнулся Осирис – так, словно вспомнил что-то в прошлом Арсама или в будущем.

Ахемениду очень захотелось знать смысл загадочной улыбки бога. Он снова остро почувствовал себя жирафом.

– Всё-таки что-то со мной не так, – буркнул он, – если, не успев умереть, второй раз уже встречаю бога загробного мира.

– Судьбы некоторых людей текут совсем не так, как обычно.

– Конечно, приятно быть исключением из правил, но интересно всё же, в чём моя исключительность, – дерзко рассуждал «жираф».

Осирис простил ему неслыханную дерзость, но разговор богу наскучил, и повелитель загробного мира стал тяготиться обществом

смертного. Бог просто растаял вместе с тронем, словно утренний туман. Померкло и ярко-зелёное сияние.

– Придёт время – узнаешь, – ответил вместо своего господина Анубис, – ты хочешь слишком многого.

Привыкший к обществу шакалоголового бога, Арсам спокойно опустил на свою циновку, сел у стены. Медная цепь натянулась, оковы впелись в ногу.

– Прошлый раз, – напомнил он Анубису, – ты довольно ловко справился с этой безделицей.

Шакал наострил большие уши, спросил насмешливо:

– Надеешься легко отделаться?!

– Чтобы там мне ни предстояло, – лукаво сказал Арсам, – я ничего не смогу сделать, пока я сижу здесь, на цепи.

– Всею своё время, – ехидно твякнул Анубис и растворился в воздухе следом за своим повелителем.

В помрачневшей комнате сразу стало удивительно пусто и неудобно.

– Дурацкие боги у этих египтян, – досадливо буркнул зороастрец.

Ахеменид пребывал в беспросветно-мрачном настроении. Он чувствовал себя обманутым. Совсем недавно жизнь казалась вполне радужной и беззаботной. И вот: холодность Анахит, насмешка Анубиса, цепь дурацкая – всё ополчилось против бедного «жирфа». Таинственные намёки Осириса только добавляли мрачных тонов зрелищу, представшему перед воображением гордого перса. Он очень ярко и достоверно увидел всю безнадежность своего положения. Чужая страна лежала вокруг – пугающе огромная и враждебная. Запросто болтавшие с ним демоны вновь казались Ахемениду знаком сумасшествия. Тяжёлая цепь делала его беспомощным. Гордый родственник царей Парсы готов был рычать и кидаться на стены в бессильной злости. И самой горькой в этом омуте отчаянья была мысль о неприязни к нему прекрасной Анахит.

На краю настоящего безумия Арсама остановил еле заметный аромат душистого масла, какое всегда использовала его любимая женщина. Он прислушался, но не уловил звука её лёгких шагов. Анахит была совсем рядом, но так и не зашла, верная своему решению больше не видеться с пленником. Нежный аромат стал слабеть и растаял, словно дивное виденье. Влюблённый вздохнул горько:

– Она не хочет меня видеть....

Ахеменид готов был броситься следом за красавицей Анахит, но медная цепь, резко дёрнувшая ногу, вернула его к реальности. Он с досадой тряхнул глухо зазвеневшим металлом.

– Ну вот, теперь и здешние демоны на меня ополчились! Эх, понять бы, когда я сделал ошибку.

В прежние времена благополучному родственнику царей было вовсе не свойственно обдумывать свои поступки.

– Интересно, влияют ли на людей медные украшения, – усмехнулся он, разглядывая свою грубую цепь.

Словно подтверждая его невесёлые мысли, из-за стены с улицы раздался противный голос сына Херихора.

– Садись вот здесь, у стены дома для рабов, сегодня хороший день, не хочу прятаться под крышей. Ну, раскладывай свои папирусы и кисточки, скажешь, когда будешь готов, я продиктую тебе письмо отцу в Мемфис и ещё одному уважаемому в столице господину.

– Всегда рад тебе услужить, сын жреца, – ответил неприятный хриплый мужской голос, – надеюсь, ты замолвишь за меня словечко номарху. Херихор не особенно жалует нас, писцов.

– Давай начнём, чтобы быстрее с этим покончить, – торопил Петубаст, – не люблю я сочинять эти послания.

– У меня есть папирус и всё необходимое для письма. Я всё принёс с собой. Можем приступить. Диктуй, достопочтенный.

– Торжественные приветствия и титулы пиши, как положено, про сыновнюю преданность и уважение.

Какое-то время было слышно только старательное пыхтение писца, выводившего иероглифы на папирусе. Не выдержав, подросток спросил нетерпеливо:

– Ну, ты, наконец, покончил с высокими словами? Терпеть их не могу. Тогда пиши главное: за время твоего отсутствия в доме всё идёт в верх дном, обо всех наших происшествиях, думаю, тебе уже сообщила твоя мать, но вряд ли она стала извещать тебя о том, что сама нарушает твои наказания. Разбазаривает твоё имущество, едва не убила того персидского хенуу, которым ты так гордишься.

Сынок Херихора произносил слова разборчиво, явно стараясь, чтобы иноземный пленник его понял. Несмотря на это, перс разобрал далеко не всё. Но слово раб ножом пронзило сердце. А египтянин еще старательно повторил.

– ...твоего раба...

И только потом продолжил:

–...тем крестьянам, что ты обещал награду за телёнка – Апеса, отказалась давать волов. К тому же она на всех кричит и заводит свои порядки... Потом напиши, что я здоров... только жена твоя захворала и отказалась выполнять свою работу по дому... Нет, это не пиши... Не люблю женских капризов, жаль, кроме отца, некому её поколотить палкой... но, уверен, бабка заставит её взяться за дело, а отец ещё, чего доброго, может расстроиться... Дописал?

– Да, господин.

– Смотри, чтоб ни одна живая душа не узнала про это письмо! А чтоб у старухи не возникло сомнений в том, что я выполняю только её приказы, начинай другое письмо. Будем писать к Хефрону – управляющему конюшнями фараона, да будет он жив, невредим и

здоров... он большой человек в Мемфисе, так что не скупись на приветствия.

– Что писать дальше?

– Пиши. Дела идут хорошо. Работы на полях ведутся вовремя, ждём большой урожай. Греческий мастер сделал для храма в Буте две новых статуи Ра и Анубиса, хотел изменить их на свой манер, но номарх запретил. Всё выполнено, как велит традиция. Кроме того, под его руководством восстановлены фрески в старой части храма. Написал?

– Нет ещё.

– Как ты медленно. Всё, наконец?

– Да, достопочтенный.

– Дальше, отец принял решение расширить строительство своей гробницы, ведь он с полным правом может считать себя богатым человеком, в надежде на получение большой награды от фараона за быструю находку нового Апеса. К тому же он недавно приобрёл себе отличного молодого раба из тегену...

– Хвастун, – буркнул Арсам и улёгся на свою циновку.

Он и без того был не в духе, а хвастовство сынка Херихора привело его в бешенство.

– Он не просто так притащил писца к моим дверям! Местечко-то так себе, – рычал рассерженный Ахеменид, – знает, гадёныш, что я всё услышу! Подразнить хотел! Эх, если бы не цепь!

В который уже раз перс дёрнул ненавистную окову; там, где она крепилась к столбу, посыпалась штукатурка. Но медные звенья остались неумолимо надёжны. Арсам рассвирепел, дотянулся и пнул каменную фигурку карлика Бэса. Она откатилась в дальний угол, Ахемениду послышалось тяжкое кряхтенье. Он увидел, как нескладная фигурка старается встать на ноги.

– Зачем же на маленьких злость срывать, – возмутился хранитель очага.

– Прости, – искренне извинился зороастриец, забыв, как совсем недавно клялся, что не станет общаться с демонами.

– Можно подумать, ты первый, – вздохнул Бэс.

– Неужели египтяне бывают также грубы? – поразился раб Херихора.

– Зря полагаешь, что они действуют осмотрительнее тебя, точно так же ищут успокоения в драке с камнями.

– Так ты всё-таки камень?

– Это как посмотреть. Для кого каменюга, а кому – единственный помощник и заступник.

Египетский божок благостно погладил круглый живот, сладко улыбнулся собственной незаменимости.

– Может, и мне поможешь?

В голосе перса звучало сильное сомнение – и не зря. Бэс поскрёб макушку, произнёс неспешно и серьёзно:

– Первым делом я должен беречь спокойствие этого дома, а ты принёс сюда беды и беспокойства... Не... Я не стану тебя освобождать, так будет лучше.

– А ты уверен?

– Вам, смертным, многое видится совсем иначе, а мы видим, как есть, – принялся философствовать карлик.

– Так, может, поделишься тем, что ты видишь такого, чего мне не дано?

– Нельзя. Смертные странные: как только узнают свою судьбу, сразу пытаются всё менять. Глупо и бесполезно!

– А ты проверь, – лукаво предложил перс, – вдруг я не такой, как все.

– Ты первый бросишься всё менять, – устало вздохнул хранитель очага.

– Выходит, я сижу на этой цепи для того, чтоб я не смог избежать своей судьбы?

– Ты и так не сможешь, зачем пытаться, сиди себе да сиди, – назидательно произнёс уродливый Бэс и плавно, не торопясь, обратился в камень.

Ахеменид не мог успокоиться, в бешенстве на все лады передразнивал карлика.

– Сиди себе да сиди... Бульжник бестолковый! Хорошо ему рассуждать, сам-то, небось, не одно столетие уже сидит, и нравится ему это. А я – живой! Мне здесь сидеть душно и скучно! – бушевал Арсам.

Но больше ему никто не отвечал – ни каменные идолы, ни призрачные шакалы. Не найдя поддержки в потустороннем мире, Арсам вернулся к реальности. А в реальности его мучил сильный голод.

– Если меня совсем не будут кормить, моего милого Херихора я дожидаться не смогу. Опять нарушит его мамаша свои обещания, – бурчал перс, – значит, в её интересах подкармливать меня хотя бы иногда.

Мысль эта немного утешила пленника, но не надолго. Непривыкший к воздержанию, племянник царя Парсы вскоре уже не мог отвлечь себя от мыслей об аппетитных яствах. Ему представлялись благоухающие приправами жареные окорока, разнообразная дичь, покрытая золотистой корочкой, тёмные вина в тяжёлых металлических кубках. Ахеменид так размечтался, что даже не удивился, когда мальчишка-слуга отодвинул циновку над входом и вошёл, держа в руках большое блюдо, от которого валил пар, и глиняный горшок, полный чистой воды. Перс встретил его с царским достоинством. А мальчишка поставил всё на пол у самого входа и убежал, словно чего-то испугавшись. Чем бы ни была наполнена рабская миска, в тот миг она показалась Арсаму лучшим подарком за всю его жизнь. Ахеменид встал, хотел подойти, взять принесённые дары, но медной цепи не хватало буквально на несколько шагов. Перс не мог даже дотянуться до еды.

– Проклятый мальчишка, он надо мной издевается! Ну, я до него доберусь! – воскликнул Ахеменид.

Пленник пока не мог добраться даже до горшочка с водой. Он опустился на одно колено, до предела натянул цепь, но смог только кончиками пальцев прикоснуться к холодному влажному боку горшка.

– Это что ли судьба, ради которой всё затевалось, болван египетский?! – обрушился Арсам с упреками на каменного идола.

Ему показалось, что Бэс поморщился и неуклюже шевельнулся. Ахеменид отмахнулся от него и снова потянулся к заветной миске. Он едва не опрокинул горшок с водой, неожиданно оказавшийся на целый шаг ближе, чем раньше. Да и миска с горячей похлебкой неведомым образом подвинулась к пленнику.

Нехитрая рабская пища показалась Ахемениду ничуть не хуже тех яств, которые он вспоминал только что. Жаль, глубокая миска вместила в себя чуточку меньше прекрасной рыбной похлебки, чем хотелось бы голодному Ахемениду. Когда на дне не осталось ни капли, довольный перс оставил пустую миску, вздохнул.

– Вот теперь можно спокойно сидеть и ждать новых поворотов судьбы.

Он сел, прислонился спиной к стене, принялся рассуждать насмешливо:

– После хорошего обеда можно лечь поспать, что ещё остается бедному несчастному хенуу номарха. Если так пойдёт, я обленюсь и растолстею, как коты в гареме у моей матери.

На самом деле деятельный пленник спать не собирался, его очень встревожили строки письма номарху о нездоровье Анахит. Её болезнь вполне объясняла то, что влюблённый не видел её с тех пор, как они расстались у бассейна. Но что с ней?

– Эх, если б только узнать!

Арсам в который раз безо всякой надежды дёрнул ненавистную медную цепь. Металл опять не поддался, и узнику осталось только в отчаянии лупить кулаками по гладкой стене своей темницы. Штукатурка отваливалась кусками, шурша осыпалась на пол.

Глава шестнадцатая КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ

Успокаиваясь, Ахеменид ослабил удары и вскоре прекратил своё бесполезное занятие, отбив внушительный кусок расписной штукатурки. Он поднял столько пыли, что стал громко чихать и не мог перестать, пока пыль не осела.

– Прекрасное лекарство от ярости, – подытожил он, – пока прочихался, протёр глаза, вот уже и настроение сменилось.

Его мысли действительно приняли совсем другой оборот. Арсам вспомнил, *что* сын Херихора писал начальнику конюшен фараона, и остро почувствовал, насколько не хватает ему в этой жёлтой стране горячих скакунов Родины. Перед Ахеменидом поплыли давние события: когда ему было ещё лет пять, отец усадил его перед собой на своего горячего боевого коня. Как наследник тогда ревел! Придворные долго не могли понять, в чём дело. Пока, успокоившись, мальчик не смог объяснить, что ему нужен свой собственный скакун. Он уже взрослый и не станет, как маленький сидеть вдвоём на одном коне вместе с отцом. Тут же для ребёнка нашли спокойную мохноногую лошадку, наследник только глянул на неё, сразу запротестовал:

– Не то, зачем?! Мне нужен конь, большой чёрный конь.

Ребёнок уже знал, о ком говорил. Он давно присмотрел в конюшне отца громадного маслено-чёрного жеребца. Столь настоятельно высказанное желание наследника было тут же исполнено. Даже его смелый отец сильно сомневался, усаживая ребёнка на спину огромного животного. Но, к счастью для Арсама, вороной гигант обладал удивительно кротким нравом, и нёс малолетнего Ахемениду на своей спине бережно, как родная мать. А наследник чувствовал себя настоящим повелителем целого мира и этого огромного сильного животного.

Теперь взрослый Арсам не мог вспоминать без улыбки собственную важность.

– Да... Мне бы сейчас не помешало та уверенность в своём всемогуществе, – вздохнул родич царей Парсы.

Он искал силу в воспоминаниях о безудержной мощи вольного табуна коней, стремительно нёсшегося по яркой зелени лугов. Перс словно наяву видел развивающиеся гривы, разноцветные спины, слышал радостное ржание, топот тысяч копыт. Сердце Ахемениду наполнил восторг. Он с наслаждением вспоминал чёрного великана, выбранного им в детстве, свои тайные посещения конюшни, то, как учился управлять гордым животным. Он перебирал, словно реликвии, воспоминания о своих мальчишеских промахах и первых победах. Припомнил, как мечтал скорее вырасти, чтобы легко управлять своим огромным конём, как был удивлен однажды, поняв, что пока он рос, его великолепный скакун состарился. Арсам с удовольствием вспоминал всё новые и новые подробности о своём великолепном вороном. Неожиданно в его мысли вторгся совсем другой конь, тонконогий, длинношей, рыжий с золотом, изящный, красивый, но абсолютно чужой. Перс гнал его из головы, но строптивное животное не желало пропадать, поднималась на дыбы, било копытом.

– Что за напасть? – возмутился Ахеменид. – В конюшнях моего отца такого скакуна не было никогда. Да и я ни разу таких не встречал. Уж я бы запомнил этакое чудо.

Раздражение прогнало все воспоминания. Но перс не хотел прекращать думать о лошадях. И он принялся строить дерзкие планы:

– Эх, добраться бы до фараоновых конюшен, потягался бы я с тем самым Хефроном в умении управлять колесницей. Любой фараон позавидовал бы. Вот взял бы херихоров сынок да отправил меня с письмом в столицу, – размечтался пленник и тут же сплюнул, досадуя на невозможность такого везения.

– Какие же египтяне гады! И имена у них гадкие: Хефрон, Херихор, Убаинер, Петубаст... – звучит так, словно верблюд собирается плюнуть.

Мысли приняли злой, раздражённый оборот. Ахеменид снова перебирал в уме все способы поквитаться с нынешними хозяевами. Он ярко и очень правдоподобно представил короткую и смешную драку с Херихором, посмеялся, вспомнив бесплодные попытки Петубаста воспользоваться луком; перс только не мог решить, как отомстить противной длинноносой старухе. Представляя, как она будет злобно пыхтеть, сжимать кулаки и топтать ногами, Арсам рассмеялся. Вскоре деятельному Ахемениду до смерти наскучило самому себя забавлять, но время шло, не принося никаких перемен. Пленник завалился спать, надеясь хоть так скоротать томительные часы ожидания новых событий.

...До самого горизонта лежала пыльная покрытая чахлой травой равнина, только вдалеке её украшали деревья, раскинувшие кроны, словно зелёные опухали; туда, под сень листвы, где сочная трава была гуще и зеленее, мимо Арсама пронеслась легкая тонконогая антилопа. Он побежал за ней, но путь преградило большое стадо коротконогих толстых бегемотов. Они разевали огромные безобразные пасти, щипали жидкую травку; перс с удивлением наблюдал, как мирно паслись эти грозные гиганты. Неожиданно среди приземистых тяжеловесов появился тонконогий невероятно высокий жираф. Его непомерно длинную шею венчала маленькая ушастая головка с рожками. Большущие тёмные глаза серьёзно смотрели из-под тонких ресниц. Невесть откуда появились разъярённые львы, принялись рычать и драться. Так, что распугали всех животных. Они рвали друг друга чудовищными клыками и когтями...

Арсам резко проснулся, сел, стараясь стряхнуть с себя тяжёлый сон.

– Привидится же такая гадость! Я сыт Африкой до тошноты!

– Болтаешь сам с собой? – услышал он громкий собственный голос. – Продолжим беседу.

Ошарашенный, перс во все глаза вглядывался в окружавший сумрак и не мог никого увидеть, пока из-за дальней колонны не вышел второй Арсам. Шаи насмешливо улыбался, встал в любимую позу Ахеменида, прислонившись спиной к колонне и сложив руки, кивнул на пустую миску на полу.

– Египетская еда становится всё вкуснее?

– Только её слишком мало, – сознался пленник.

– И стоит она далековато, – подтрунивал над ним бог доброй судьбы.

– Ну, это до поры до времени.

Два Арсама лукаво смотрели друг на друга.

– Не стоило пинать беднягу Бэса, – пожурил пленника свободный Арсам.

– Всё из-за цепи, я зверею, сидя здесь!

– Неужели эта мелочь всё меняет?! – усомнился Шаи.

– Сам попробуй!

– Зачем мне это?

– Новые впечатления, – зло бросил пленник, – чтобы острее потом ощутить счастье от свободы!

– Предлагаешь заменить тебя здесь, пока...

– Мы же одинаковые как две капли воды, – оживился Арсам-человек, – это же всё равно, что одновременно быть в двух местах. Даже если старухе придёт в голову проверить, никто не заметит моего отсутствия!

– Экий ты хитрец! – рассмеялся Шаи. – Уже богами командуешь!

– Ты сам начал эту игру.

– А ты только стараешься сделать её интересной.

– Опять ты читаешь мои мысли! Соглашайся, ну что тебе стоит часик попритворяться, что сидишь на цепи?!

– И это говорит человек, не умевший врать и презиравший местных демонов, – с улыбкой заметил бог доброй судьбы.

– Здесь всё перевернуто с ног на голову, – смутился зороастриец. – Я уже сам не свой от одиночества и проклятого рабства.

– Оправдывайся, оправдывайся, а я пока поскучаю на твоём месте.

С этими словами бог доброй судьбы поманил к себе пальцем медную цепь, она легко и послушно отпустила ногу пленника и скользнула ко второму Арсаму, повисла на его щиколотке. Уже не первый раз получивший свободу с помощью волшебства, Ахеменид на всякий случай потёр место, где только что были оковы.

– Всё ещё не можешь привыкнуть? – спросил Шаи, надевший цепь на себя. – Да лучше не привыкай, не всегда же будет так везти.

– Тебе видней, – согласился перс.

Он помедлил ещё мгновение и зашпешил к выходу, толком не решив, как воспользуется неожиданной свободой. Ахеменид лёгким поклоном поблагодарил покладистого двойника за помощь.

– Потом сочтёмся, – серьёзно ответил оставшийся на цепи Арсам.

Но недавний пленник его не расслышал или просто не придавал значения грозным словам египетского бога. Сердце влюблённого вело его к прекрасной Анахит. Он уже невольно представлял, как она поразится его появлению. Беспощадное африканское солнце клонилось к закату, от построек тянулись длинные чёрные тени; Арсам старался спрятаться среди них, не стал пересекать ещё ярко освещённый двор, обошёл вдоль стен зданий. Хотя ему и прятаться вроде бы было не от

кого. Беглец не встретил ни одного слугу, не было видно и членов семьи номарха.

Наученному горьким опытом, Ахемениду не хотелось разыскивать возлюбленную в лабиринте комнат большого дома.

– Эх, если бы она догадалась и вышла полюбоваться закатом, – мечтал он.

Но женщина не слышала его. И Арсаму осталось только повторить свою попытку войти в дом номарха. Он горячо надеялся не наткнуться больше ни на громко кричащих мальчишек, ни на разоряющих сокровищницу котят, про старую мать Херихора он вовсе позабыл. Но она сама о себе напомнила. Перс едва не столкнулся с ней в дверях, успел вовремя юркнуть в плотную тень. Свекровь Анахит ничего не заметила, прокашлялась и пошмыгала носом, почесала щёку, неприязненно буркнула что-то про солнце и вернулась обратно в дом.

– Зачем она выходила? – возмутился Арсам и тут же сам себе ответил. – Приходила специально обругать закат. Надеюсь, теперь она завалится спать.

После первого же поворота тёмного узкого коридора перс вынужден был вспомнить ещё одного родственника Херихора. Сладко потягиваясь, широко растянув рот зевком, сынок номарха преградил ему дорогу. К счастью, зевая, Петубаст зажмурился и не разглядел прильнувшего к стене и пропустившего его чужака. Сонный парень едва не задел Арсама локтем и громко шаркая пятками, прошел мимо.

– Ещё один любитель закатов, – фыркнул перс.

А сын Херихора скрылся за новым поворотом – вслед за своей бабкой. Ахеменид продолжил свой опасный путь, из коридора он вошел в знакомый зал, в маленькую комнатку, где хранились сундуки, заходить не стал, свернул в другой проход, в крошечной темноте наткнулся на громадный кувшин, нащупал ещё один. Пустой сосуд угрожающе закачался. Перс протянул руку, провёл по шершавой белёной стене.

– Странное место, не иначе ванная комната, должны же египтяне где-то мыться.

Арсам вернулся к выходу и опять оказался в большом зале.

– Стоп, где-то здесь была лестница, наверняка спальни расположены этажом выше, – рассуждал он.

Припомнив убранство приёмного зала и едва не уронив по дороге пару хрупких столиков, Ахеменид решительно направился в тот угол, где видел лестницу наверх. Ступеньки были сложены из кирпича, но показались жителю дворцов слишком узкими, неудобными. Второй этаж дома номарха тоже был погружен в темноту, и, когда персу показалось, что он окончательно заблудился, влюблённый увидел свет под занавесом на одном из широких дверных проёмов. У него даже сомнения не возникло, что эта лампа в комнате Анахит. Арсам осторожно отодвинул цветной занавес, в глаза персу сразу бросилось множество подушек, в

расшитых холщовых наволочках, разложенных на полу, на каждой из которых уютно устроилось по котенку. В центре небольшой комнаты стояла деревянная кровать, на четырёх ножках в форме бычьих копыт, вдоль стен стояла пара сундуков и крохотный столик с мутным зеркалом, заставленный мазями и духами в маленьких сосудах из обсидиана, слоновой кости и горного хрусталя. На сундуке стояла лампа, рядом, в кресле, перс увидел свою любимую, склонившуюся над шитьем. Она вздрогнула от едва уловимого шума, подняла глаза. Долгое, как вечность, мгновение смотрела на него молча, не находя нужных слов. Тогда дерзкий пленник тихо заговорил первым:

– Только не прогоняй, я здесь, потому что сами боги желают этого.

– Но... как ты сумел освободиться? – растерянно спросила молодая женщина.

– Я же говорю, мне помогли сами боги.

Ахеменид шагнул к возлюбленной, но она остановила его резким жестом.

– Не подходи! Стой там. Зачем ты здесь?

Перс не ожидал такого холодного приёма, сказал первое, что пришло в голову:

– Мы давно не занимались египетским. Я совсем не понимаю твою свекровь. У меня столько вопросов.

– Хорошо, спрашивай, – милостиво разрешила жена номарха.

– Как по-египетски сказать – сердце? – спросил влюблённый, решительно приблизившись к молодой женщине.

Анахит быстро ответила и поджала нижнюю губу.

– Моё сердце принадлежит тебе! – произнёс Арсам по-египетски.

Она вскочила, замахала на него руками.

– Нет, нет, мы не должны! Нельзя! Нельзя!

– Почему? Что так испугало тебя? – воскликнул поражённый её реакцией Ахеменид. – Кто виноват? Твой муж? Старуха? Что они сделали?

– Я сама решила! Что мы должны быть как можно дальше друг от друга, – серьёзно вздохнула Анахит, – так всем будет лучше...

– Нет! Так хуже! Так невозможно плохо! – горячо протестовал влюблённый.

– Не спорь! Я всё решила, я хочу жить, а если Херихор узнает, что ты был здесь, он убьёт меня, убьёт тебя... Немедленно уходи! – твёрдо произнесла молодая женщина. – Уходи быстрее!

Арсаму ничего не оставалось, как подчиниться. Скрепя сердце, он попятился назад, не сводя глаз с прекрасной Анахит, она оставалась строгой и непреклонной. Перс решительно повернулся, выбежал вон из светлой комнаты, наполненной ароматом душистого масла. Он быстро миновал лабиринты тёмного дома и оказался во дворе.

Раздосадованный, Ахеменид быстро шагал прочь от дома возлюбленной, опустив голову и не глядя по сторонам. Он буквально нос к носу столкнулся со старой матерью Херихора.

– Опять здесь эта рухлядь, – вырвалось у перса.

Он глянул на старуху, не скрывая неприязни, а она поразила пленника своей реакцией. Убаинер в ужасе попятилась, принялась размахивать руками, словно отгоняя рой пчел, и хрипло повторять что-то вроде заклинания. Ахеменид решил, что она сошла с ума, а повернувшись к бассейну, понял – от чего.

Двор номарха не был пуст, по нему бродили человек шесть, и все они были... Арсамами! У ног каждого из них весело играли и мяукали по шесть разноцветных котят. В пыли у бассейна пушистые четвероногие гоняли и перекачивали десятки крупных перламутрово-голубых шариков. Двор был буквально засыпан жемчугом.

– От такого зрелища и я бы спятил, – признался сам себе Ахеменид.

Мать Херихора смачно плюнула в сторону странной компании и, схватившись за голову, покачиваясь, убрела в дом.

– Бедная старушка, – с сочувствием вздохнул раб номарха.

– Он её ещё и жалеет! – подивился один из бывших во дворе Арсамов.

– Даже божественного терпения не хватило, чтобы смиренно сидеть на цепи?

– Ну, подумаешь, развлёкся чуток! – капризно заявил ближайший Арсам. – Зато теперь мамаше Херихора и в голову не придёт, что её невестка к этому причастна.

– Анахит и так не при чём, – возмутился влюблённый.

– Если бы меня здесь не было, трудно тебе было бы объяснить, что ты делал в доме, Убаинер, когда ты на неё налетел.

– Если бы вас всех здесь не было, – поправил зороастриец.

– Да, пора мне собраться, – согласился бог.

Сначала стало значительно меньше котят, они всё ещё занимались каждый своим делом, но постепенно стали таять в воздухе. В следующее мгновение пропал весь жемчуг и лишние пять Арсамов. По-прежнему похожий на перса как две капли воды, египетский бог доброй судьбы небрежно присел у бассейна.

– Что ты намерен делать теперь? – строго спросил он Ахеменида. – Может, хочешь вернуться на своё место возле столба?

– Вот этого я точно делать не буду, – решительно заявил перс.

Он подошёл к Шай и тоже присел на бортик злополучного бассейна, наклонился, зачерпнул в ладонь воды.

– Как много здесь произошло за последние дни.

– Да, – рассмеялся Шай, – мамаше номарха будет что вспомнить, хотя во время войны воспоминаниям предаваться некогда.

– Так война всё-таки будет?

– Можно подумать, ты последнее время не жил только надеждой на это?! – поразился Шаи.

– Да, но...

– Неужели грозный потомок царей проникся заботой о простых египтянах, – усомнился бог.

– Я прекрасно знаю, что бывает во время войн...

– Ого, – рассмеялся Арсам-бог, – ты так серьёзен, словно готов с оружием в руках защищать местных от своих же братьев-персов.

– Не говори глупостей, – рассердился Арсам-человек, – здесь мне защищать некого, ведь не носатую старуху же.

– Может кого другого? – лукаво улыбался Шаи.

– Анахит меня прогнала, – горько вздохнул влюблённый.

– Так здесь тебя больше ничего не держит.

– Больше не держит.

– А может, ты всё же хочешь вернуться к своей цепи? – хитро сощурился бог доброй судьбы.

– Единственное, чего я хочу, – быть как можно дальше отсюда.

– Так кто тебя держит? Беги.

Глава семнадцатая НАЧАЛО ДАЛЬНЕГО ПУТИ

Египетский бог вовсе не собирался делать всё за Ахемениду. Он просто растаял в воздухе, предоставив человеку полную свободу действий. А Арсам и не ждал, что двойник станет выполнять его желание; едва Шаи исчез, он словно забыл о нём и заспешил покинуть негостеприимный двор номарха. Но только пробежав уже шагов сто, перс понял, куда так спешит. Единственное место в Египте сейчас казалось ему заманчиво уютным – бедная хижина родителей Ганнибала.

– Как теперь встретит меня темнокожий?! – задумался беглец и замедлил шаги. – Ганнибал теперь должно быть разбогател и заважничал. Если что, припомню ему нильский должок.

Понадеявшись на памятьливость своего египетского друга, перс привычно отсчитывал заполненные мутной водой каналы.

– Пять, шесть, поворот, два три, ещё поворот...

На этот раз ему удалось не запутаться в подсчётах и не заблудиться. Очень скоро он подошёл к одетым в кудрявую зелень деревьям возле дома Ганнибала. Только теперь перс вспомнил, что, поторопившись, оставил под циновкой отличный лук.

– Как бы он мне пригодился теперь, – вздохнул беглец, – неизвестно, что ещё ждёт впереди. Стрелы раздобыть не мудрено, да ладно, сокрушаться поздно.

Друг встретил Арсама белозубой улыбкой.

– Сбежал всё-таки?! Не думал, что ты станешь терпеть так долго.

– Я бы и не терпел, – признался перс, – если бы только заранее знал...

– Погоди со своими рассказами, – прервал его египтянин, – сперва проходи в дом, тогда и поговорим о твоих переменах.

В скромной чистой прохладе крестьянского дома было совсем пусто.

– Где все твой? – спросил у друга Арсам.

– Мать ушла кормить коров, а отец опять в поле. Чистит засорившиеся водные каналы.

– Те канавки вдоль полей? А почему сам? Разве вы теперь не разбогатели?

– Он, упрямец, хочет, чтоб всё осталось, как было раньше. Я предлагал ему нанять двух работников, но он на меня накричал, что вырастил хитрого лентяя. Не представляю, как его убедить. Да ладно, хватит о наших скучных делах, расскажи лучше, как освободился.

– Да мне и делать почти не пришлось ничего.

– До чего же ты честный! – рассмеялся друг перса. – Другой бы приврал, приукрасил... А ты, небось, сейчас заявишь, что просто взял да ушёл.

– Как раз этого я сказать не могу, – улыбнулся зороастриец, – меня отпустил ваш Шаи.

– Бог доброй судьбы?! – поразился египтянин. – И ему ты понравился?! С тобой не соскучишься!

Пока Ахеменид подробно и ничего не скрывая пересказывал другу все невероятные события последних дней, Ганнибал то и дело вскакивал со своей циновки с криком:

– Не может этого быть!!

Потом, вспомнив удивительную честность своего друга, опускался обратно и внимательно слушал дальше. Повторяя то и дело:

– Нет, такое может случиться только с тобой! Неужели так и было?

В конце концов, ему все события показались вполне достоверными, только в одно он отказался поверить:

– Конечно, я не знаток повадок разных богов, но в женщинах, кажется, я кое-что понимаю, – уверен, ты ничего не понял про Анахит.

– Чего уж тут непонятного?! Прогнала меня и только...

– Она хотя бы объяснила свою резкую перемену?

– Нет... – глубоко задумался влюблённый, – мне показалось... что я должен знать что-то такое... о чём понятия не имею.

– Красавицы любят такие загадки, – заявил Ганнибал с видом знатока, – кажется мне, это тот случай, когда женщина говорит одно, а хочет, чтобы её поняли совсем наоборот.

– Ты думаешь, она не хотела, чтобы я уходил?

– Хотела и не хотела – всё сразу. А может, и правда, думала только о том, что она жена Херихора, должна быть верна только ему; она, конечно, знает, как обходятся другие мужья со своими неверными женами,

наверняка, Убаинер регулярно ей об этом напоминает, но ведь Херихор совсем из другого теста...

Он оборвал свои рассуждения, услышав настойчивый стук у порога. Кто-то настойчиво стучал по стене крестьянского дома, вызывая хозяев.

– Это за мной!

Ахеменид встал из-за стола и вышел из уютного домика Ганнибала. Он ожидал увидеть под деревьями вооружённых слуг номарха, но вместо взрослых мужчин увидел только весело улыбавшегося мальчонку, так много раз оглашавшего своими криками дом номарха. В руках тот держал большой лук, который пленник подобрал во дворе после забав Петубаста. В ответ на крайнее удивление Арсама мальчик хитро подмигнул ему:

– Ты кое-что забыл, – услышал перс насмешливый голос Шаи, – не смотри так ошарашено, я ведь бог не только твоей судьбы, для этого мальчонки есть своя добрая судьба.

– Значит, ты можешь притвориться кем угодно?

– На то я и бог. Хотя Хеку куда лучше удается колдовать и дурить смертным головы.

– Вот с ним я ещё не встречался.

– Я же говорю, он мастер колдовать, – рассмеялся Шаи, – вы отлично знакомы. Первый раз ты пытался его обнять, а второй – настучал ему по башке куском мрамора.

– Я же не знал... – оправдывался ошарашенный Ахеменид.

– А хорошо ты его отоварил! – хохотал, не унимаясь, мальчонка. – Не помню, чтоб хитрому Хеке так доставалось от смертных. Лихо ты обходишься с египетскими богами!

– Судьба у меня такая, – буркнул потомок царей Парсы.

– Судьба судьбой, – посерьёзnel бог, – а каждый справляется с ней по-своему.

– Выходит, не всё решено заранее?

– Нет, конечно, только самое главное, – произнёс бог доброй судьбы.

Не дожидаясь новых вопросов от настойчивого перса, Шаи поспешил вручить беглецу лук и, весело махнув рукой, растаял в воздухе. Арсам остался стоять под деревом и хмуρο глядел вдаль. Таким его и нашел Ганнибал, вышедший из дома посмотреть, чем закончилось дело.

– А где все? – спросил он, озираясь по сторонам.

– Кто все? – не понял друга перс.

– Ну... слуги номарха или кого он там прислал...

– Херихор здесь ни при чём...

– Прекрасные новости! – обрадовался египтянин. – Только я в толк не возьму, кому ещё ты мог понадобиться.

Ахеменид стряхнул с себя оцепенение, ответил просто:

– Да так, один бог забегал...

Он вдоволь позабавился над тем, как побледнела и вытянулась выразительная физиономия темнокожего. Ганнибал так разволновался, что долго не мог выговорить ни слова.

– Б-б-ббог? Возле моего дома? Бог здесь?

– В твоём доме уже побывала одна богиня – славная киска, – смеялся Ахеменид, – зря ты не верил своей матери, что ваши боги повсюду. Удивительно, как вы их не замечаете. Их же так много.

– Погоди, погоди... – тряс головой египтянин, – что ж получается, это бог притащил тебе лук?!

– Получается, – кивнул перс.

– Невозможно!

– Почему бы и нет, если это зачем-то ему нужно.

– Кому?

– Шаи – вашему богу доброй судьбы.

– Так ты его видел?! Какой он?

– Насколько я понял, для тебя Шаи – молодой темнокожий парень с большим ртом и доброй сотней разных гримас, – азарно стал описывать Арсам.

Ганнибал не узнал своего портрета, переспросил серьёзно:

– Это ж на кого он получается похож?

– Да на тебя! – до слёз смеялся Ахеменид. – Ваш Шаи похож на человека, на любого из нас. Ещё немного и я освоюсь с вашей мифологией лучше любого египтянина.

– Зря возгордился, – отчитал друга Ганнибал, – тебе ещё очень далеко до любого египетского жреца! Подумаешь, запомнил пару имен! Ты даже представить себе не можешь, сколько у нас разных божеств!

– Зато не каждый жрец может похвастаться тем, что регулярно болтает с вашими многочисленными демонами.

– Правильно сказал, они просто не хвастаются, не считают нужным кричать об этом. Не все такие хвастуны и задаваки, как ты.

– Да я только правду говорю, – оправдывался зороастриец.

А Ганнибал распаялся всё больше. К его неподражаемым гримасам добавились поразительные жесты. Он брезгливо надувал губы, помахивал крупной пятернёй словно опахалом. Бросал слова, как острые камешки:

– Чужак! Свалился на мою голову со своими заморскими правилами. Родственник царей, видите ли! Откуда я знаю, может, это всё ты выдумал, а потом сам поверил?! И твердишь, что не врешь. Псих! Псих и зазнайка!

– Стой, стой! – стал останавливать друга Арсам. – Так мы опять поссоримся!

– А что ещё мне с тобой делать?! Раб царскому сынку не компания.

– Вот удивил, – улыбнулся Ахеменид, – сейчас уже не я, а ты ошибаешься и сам себе веришь. Ты уж давно не раб, а вольный человек, а я...

Он горько вздохнул, не договорил. Ганнибал зря упрекал его в излишней самоуверенности. Мраморный саркофаг и медная цепь сильно поколебали веру в себя гордого Ахеменида. На самом деле ему нелегко давалась роль прежнего весельчака. И перс был рад, что друг этого не замечал, произнёс серьёзно:

– Сейчас твоё положение куда лучше моего. А боги это устроили, демоны или люди – какая разница.

– Может, и так, – неохотно согласился Ганнибал, – только дальше-то что?

– Пошли со мной в Мемфис! – предложил Арсам.

– В Мемфис...

Темнокожий глубоко задумался, замер неподвижный, как каменная статуя.

– Ну, что ты окаменел? Решайся, – торопил друга беглец.

– Э-э-э... как же... это вдруг...

– Вдруг родился Апес, вдруг ты перестал быть рабом, пришло время пользоваться своей свободой.

– Я как-то не собирался, – протянул Ганнибал.

– Нельзя всегда сидеть на одном месте. Вредно! – убеждал Ахеменид.

– Мхом порастешь!

– Мои родители всю жизнь прожили здесь, – возразил крестьянин, – и все живущие в округе никогда не были в столице.

– Кто-то же должен быть первым!

– Почему я?!

– Хотя бы потому, что ты подружился со мной. В твоём роду многие дружили с царскими племянниками?

– Я же сначала не знал, кто ты такой!

– Зато теперь знаешь. Идём, столица Египта нас ждёт! – воодушевлённо воскликнул перс.

– А мои родители? – темнокожий готов был сдать.

– Ты же сам говорил, что не мог уговорить отца нанять двух работников, останется один и сам поймёт, что ты был прав.

– Всё-таки ты хитрец, – рассмеялся Ганнибал, – придумал, как всем угодить!

– Ничего я не придумывал! – отмахнулся Арсам. – Просто не хочу в одиночку бродить по вашей стране. К тому же я понятия не имею, где находится Мемфис.

– Что же получается, – рассудил и порадовался крестьянин, – значит, я главный? Я знаю, где столица и как туда добраться.

– Хорошо, будь главным, только собирайся в дорогу. Я знаю, с чего начнется наш путь. Мы отправимся в поля на поиски твоего отца.

Так друзья и поступили, первым делом Ганнибал отправился в хлев, уверенный, что застанет там мать. Она вышла ему навстречу, вытирая руки серым куском ткани. Любимый сын больше всего боялся

материнских слёз и упрёков, и, словно угадав его страхи, добрая женщина позволила сорваться с губ только тяжёлому вздоху.

– Я знала, что ты не усидишь дома, значит, так и быть должно. Только будь осторожен в дороге.

Ганнибал стал бубнить что-то неубедительное про столицу, про фараона, коней и большие храмы. Мать слушала терпеливо. Сказала только:

– Поезжай, посмотри. Отца не слушай, он, конечно, станет спорить, запрещать, да потом сам поймёт, что был не прав.

Сыну осталось только поклониться мудрой женщине и отправиться через поля туда, где его отец чистил засорившуюся канавку. Перс поплёлся за ним. Вскоре они увидели грузную тёмную фигуру крестьянина, сидевшего прямо на земле, и устало опиравшегося на свою короткую мотыгу

– Подожди здесь, – остановил друга осторожный египтянин, – не хочу чтоб ты слышал, как он станет меня отчитывать.

– Так я ж всё равно не пойму ни слова!

– Это ты поймешь, – вздохнул Ганнибал.

Арсам послушался египтянина и остановился, а его темнокожий друг опасливо, как-то бочком подошел к своему отцу. Чёрный, словно уголь, крестьянин, тяжело оперевшись на мотыгу, поднялся на ноги; гигант оказался на голову выше сына, гораздо шире в плечах и вообще намного крупнее. Тот успел только пару слов ему сказать, как получил увесистую оплеуху.

– Действительно, язык понятный, – усмехнулся Ахеменид.

Буквально каждая попытка Ганнибала продолжить свои объяснения заканчивалась подзатыльником. Потом его родитель долго говорил сам, сопровождал речь угрожающими жестами, его сын каждый раз опасливо ёжился и втягивал голову в плечи. Но конец разговора был неожиданно мирным. Крестьяне обнялись и простились. Ганнибал подошёл к Арсаму.

– Ну что, отправляемся в столицу! – воодушевлённо воскликнул перс, удержавшись от желания наградить яркими эпитетами отношения отца и сына.

– Какой ты скорый! Сразу видно – привык, что всё за тебя делают слуги.

– А что? – искренне не понял друга Ахеменид.

– Так в долгий путь не отправляются, – принялся рассуждать Ганнибал, – вот что ты будешь есть, пока мы не доберёмся до Мемфиса?

Честный Арсам не нашёлся, что ответить. Ему действительно даже в голову не пришло озаботиться такими мелочами.

– А вот я прекрасно представляю, что никто не станет кормить нас и поить. Большую часть пути нам даже купить еды будет не у кого!

– Почему?

– Да потому что беглому рабу номарха следует вести себя тихо и постараться убраться как можно дальше от мест, где про него известно.

– Ты прав, – вздохнул пленник Херихора.

– Мы с тобой слишком заметная парочка: белый и чёрный. Помнишь, я рассказывал тебе, что великий Ра разделил людей на четыре расы. Только красные египтяне называются людьми, белые – тегенну, ещё куда ни шло, а черные – нехсу, и вовсе низшая четвертая раса.

– А кто же тогда трети? – легкомысленно спросил перс, не проникшись серьёзным трагизмом темнокожего.

– Трети жёлтые – аму.

– Видел я таких торговцев из Индии. Все маленького роста, с короткими ручками и ножками. Неужели таких много?

– Я слышал, что где-то на севере живут совсем другие люди, ещё блее тебя.

– Мне дед рассказывал о таких. Говорил, что они гораздо выше нас, и глаза у них такого цвета, как небо утром, а волосы – золотые, как пшеничное поле.

– Сказки это всё! – отрезал египтянин. – Пошли лучше за едой, мать наверняка уже собрала.

Друзья вернулись к дому Ганнибала, его погрузневшая, но удивительно спокойная мать протянула сыну узелок с пшеничными лепешками.

– Я ещё отварила и положила вам гусиных яиц. Конечно, они лучше сырые, да как их сохранишь в дороге?! – сказала она.

– Зачем... не стоило... мы бы и так... – мямлил растроганный сын.

– Ты денег взял достаточно?

– Взял, взял, не беспокойся.

– Мне за тебя так боязно, Мемфис так далеко... как там ещё будет?

– Да ладно, мам, не беспокойся, всё обойдется. Я теперь богатый, да и не один. Вдвоём куда проще, – утешал женщину молодой путешественник.

Арсам с луком через плечо стоял в стороне, невольно вспоминал о доме, о матери, которой наверняка уже сказали, что он утонул вместе со всеми. Родные ничего о нём не знают. Не страшно. Вот придет армия Камбиза... то-то будет радости в его семье. Но... сколько слёз прольют другие матери....

Гордый Ахеменид сам от себя не ожидал таких мыслей. Какое дело завоевателю до переживаний чужих матерей? Но это странное приключение на Египетской земле что-то навсегда изменило в нём. Для Арсама открылся огромный сложный мир. Перс чувствовал, что больше никогда для него жизнь не станет прежней – простой и бездумной.

Глава восемнадцатая ПОБЕГ ОТ НОМАРХА

– Или я опять что-то путаю, или мы уходим всё дальше от реки? – забеспокоился Арсам.

– Ты неплохо стал ориентироваться в наших местах, – откликнулся шедший впереди Ганнибал. – Только всё равно ничего не понимаешь. Я же тебе объяснял, что сначала нам надо убраться подальше от владения номарха. Чтоб тебя, дурака, не схватили и не вернули обратно.

– Это я прекрасно помню, только разве по реке не было бы быстрее?

– Вот именно, если мы здесь сунемся к реке, твоё возвращение на цепь будет очень скорым. Каждый лодочник отлично знает, что все пристани в округе принадлежат Херихору. А ты всё ещё его собственность. Все оповещены и станут помогать не нам, а хозяину.

– Сколько ещё нам топтать пешком? – возмущённо спросил перс.

– Боюсь, весь день придётся провести на ногах. Земель у номарха много.

– Не представляю, как вы можете обходиться без лошадей.

– Зато мы не разучились ходить, – парировал Ганнибал.

– И всё-таки вам следовало что-нибудь придумать, оседлать этих ваших бегемотов что ли, – бурчал недовольный Арсам.

– Лучше жирафов.

– Жирафов не трогай, – с некоторых пор Ахеменид ощущал странное родство с этими животными.

– Конечно, ближе всего к коням зебры, но объездить этих лошадок не удалось даже богам.

– Тогда бы завозили коней из других стран.

– Фараоны так и делают, но это слишком дорого. Да и прокормить большие стада лошадей нам нечем.

– Лошади не коровы, у них не стада, а табуны, – авторитетно поправил друга перс.

Так, болтая, они уходили всё дальше и дальше от злополучного поместья номарха Херихора. Мимо однообразно тянулись поля, поделённые канавками сложной оросительной системы на ровные скучные квадраты. Когда их сменили ряды финиковых пальм, Ахеменид заявил вдруг:

– Всё, привал. Сколько можно топтать и топтать.

– Ты что устал?! – поразился египтянин.

– Нет, мне надоело. Скучно!

– А как ты собирался развлекаться в дороге?

– Не знаю. Всё равно, – отмахнулся Арсам, – я представлял себе побег совсем иначе.

– Хочешь весёленькой погони?! – рассердился Ганнибал. – Или лучше, чтоб сразу догнали?! Побили как следует?!

– Нет, но... тоскливое получается занятие... будто мотыгой машем...

– Сам не знаешь, чего хочешь! Если будет слишком весело, мы вряд ли до столицы доберёмся. Ладно, давай что ли, для разнообразия лепешек пожуём.

Друзья устроились на редкой чахлой травке возле одной из пальм. Крестьянин развязал узелок, достал материнские запасы. Перс задрал голову вверх, разглядывал солнечные лучи, золотившие острые края листьев.

– И как собирают финики с такой верхотуры?

– Лазят, как обезьяны. Я никогда не пробовал, нужды не было. Хватит задавать дурацкие вопросы. Ешь быстрее, да пойдём дальше!

Арсам жевал сухую пшеничную лепешку и всё не унимался:

– А почему вы не используете верблюдов?

Египтянин даже поперхнулся, выпучил глаза:

– Верблюдов, чтоб лазить по деревьям?!

– Да нет же, я опять про то, что вы грузы на себе таскаете. Возили бы всё на верблюдах и сами бы ездили.

– Дорого.

– Во всём египетском языке это твоё любимое слово, – рассмеялся перс, – ты даже не считаешь нужным переводить его на какой-нибудь другой язык.

Ганнибал нахмурился, свел брови в одну линию, собрал лоб в складки. Ахеменид продолжал веселиться:

– Тебе обязательно нужно разбогатеть! Жутко разбогатеть, сказочно, чтоб, наконец, забыть это слово!

– Тихо! – одёрнул потомка царей египтянин.

Арсам продолжал громко смеяться.

– Тихо ты! Забыл, что тебя ищут!

Возле самого лица Арсама противно свистнула стрела. На излете она воткнулась в ствол пальмы неглубоко и под своим весом упала на землю. Ахемениду понадобилось одно мгновение, чтоб выхватить лук, поднять упавшую стрелу и натянуть тетиву. Со страшной скоростью смертоносное орудие умчалось обратно к тому, кто его послал. Уже услышав издали подавленный стон, Арсам спросил вдруг:

– Ты видел, кто стрелял?

– Я успел заметить только движение – там, за деревьями. Да пригнись ты! – крикнул Ганнибал другу.

Он сам повалился на землю и дёрнул перса за руку – как раз вовремя: град стрел, пролетев над их головами, посыпался на землю в нескольких шагах от беглецов. Не разгибаясь, Арсам протянул руку и подобрал сразу несколько из них.

– Стреляй, стреляй же! – торопил темнокожий.

Перс привстал на одно колено, чтобы натянуть лук, ловко увернулся от направленных в него смертоносных жал и вернул нападавшим их стрелы.

Он успел заметить двух или трех египтян, старавшихся укрыться за деревьями.

– Я их видел, – сообщил Ахеменид другу, – их очень мало, одолеть таких – раз плюнуть!

– Хватит хвастать, – громким шёпотом ругался Ганнибал, – лучше падай на землю, пока ещё жив!

Он тянул Ахеменида вниз, но тот вырвал руку, возмутился:

– Не привык я прятаться! Не стану ползать как червь!

К ужасу Ганнибала, перс вскочил на ноги, бросился бежать навстречу нападавшим. Он петлял, огибал стволы пальм, стрелы со свистом проносились мимо него, падали под ноги, втыкались в землю. Темнокожий боялся даже пошевелиться; Арсам поднял лук, прищурился, послал стрелу к метившему в него египтянину, который напрасно старался спрятаться за стволом пальмы. Стрела глубоко воткнулась в дерево, дрожала у самого его носа. Охотники и добыча поменялись местами. Не ожидавшие отпора, египтяне бросились в рассыпную. Да так шустро, что вскоре затерялись за рядами пальм. Только тогда Ганнибал осмелился догнать своего друга, по пути он предусмотрительно собирал все упавшие стрелы.

– Смотри сколько! – поразился он.

– Жаль, колчана у нас нет, – посоветовал перс.

– А я их свяжу верёвочкой.

– У тебя и верёвочка найдётся? – рассмеялся Ахеменид. – До чего же ты запасливый!

Друзья стояли в длинной аллее финиковых пальм. Они чувствовали себя победителями на поле боя. Ганнибал деловито огляделся.

– Смотри, судя по следам, они нас здесь долго ждали, сидели, лопали финики. Вокруг полно косточек.

– Мне гораздо интересней не то, что они делали, а что будут делать дальше, – хмуро заметил Арсам.

– Ну, как раз это определить не трудно, – уверенно заявил египтянин, – ты жутко их напугал. Рисковать они не станут, к чему. Их послала мать номарха, ничего не объяснила, наград не пообещала, упираться они не станут.

– А ты-то откуда знаешь?

– Старуха всегда так делает, вот её приказы и исполняют кое-как и врут ей потом, кто во что горазд.

– Хотел бы я знать, что скажут эти храбрецы.

– Нетрудно догадаться: наплетут с три короба про то, как изрешетили тебя стрелами и не ушли до тех пор, пока не убедились, что беглец мёртв.

– Отлично, если всё так и будет, как ты говоришь, нам и желать больше нечего, – улыбнулся Арсам, – будем надеяться, что ты верно угадал всё, что в ближайшее время будет происходить в поместье Херихора.

Беглецы собрались продолжить свой путь, но перс вдруг спохватился:

– Стой! Что было у тебя в руках?

– Узелок! Еда!

Ганнибал всплеснул руками и припустил обратно к месту стоянки, где позабыл всё, что собрала ему мать. Ахеменид смотрел ему вслед, на лицо его тенью опустилась грусть. Душа влюблённого рвалась вслед за слугами номарха, ему бесконечно хотелось хоть одним глазком взглянуть на прекрасную Анахит, чтоб только подсмотреть, расстроит ли её известие о смерти чужеземца. Слова друга о женских странностях зародили в нём сомнения: может, и не стоило так опрометчиво бежать прочь от жены номарха. Ещё немного – и перс добровольно отправился бы назад под власть вредной старухи. К счастью, к нему подбежал сияющий Ганнибал:

– Ну, ты чего такой мрачный? – воскликнул он, толкнув друга в плечо.

– Сlopай гусиное яйцо и забудь про всё плохое.

– Я тебя не узнаю, куда девалась твоя обычная мрачность? – удивился Ахеменид.

– А откуда она взялась у тебя?! – парировал египтянин. – Брось, жизнь налаживается. Вот выйдем из этой рощи, и можно будет поворачивать к реке; дождёмся какой-нибудь подходящей ладьи и сами не заметим, как уже будем в Мемфисе.

– Да, на самом деле всё хорошо, только...

– А-а-а, кажется, я понял, – хитро сощурился Ганнибал, – всё из-за пары красивых глаз с длинными ресницами. Брось! У неё ведь есть муж.

– Я помню, – прорычал Ахеменид.

– Лучше не будем об этом, – осторожно сказал темнокожий, – кто знает, что ждёт нас дальше?

– Главное, чтоб Херихор побыстрей помер, – мрачно заявил перс.

Благоразумный Ганнибал решил разговор не продолжать, туго завязал узелок и поспешил двинуться путь. Он шагал вперёд бодро и весело, почти бежал, так что его хмурому другу пришлось его догонять. Незаметно плохое настроение само покинуло Арсама. Он снова был готов весело подгонять Ганнибала.

– Куда опять пропал ваш великий Нил? Ты уверен, что мы не заблудились?

– Это ты мастер блудить на ровном месте, – фыркнул египтянин.

– Если бы в дело не вмешались ваши боги...

– Нашёл на кого всё свалить, – смеялся темнокожий, – чуть что, сразу наши боги виноваты.

– Ты же сам видел этого рыжего, – напомнил Ахеменид.

– Видел, видел.... Да и лука сначала не было... смотри, вот уже реку видно. На самом деле мы были совсем недалеко.

Со стороны Нила налетел ветерок, принёс прохладу. Близость реки придала беглецам новые силы. Они очень быстро добрались до берега. Там Арсам озадаченно остановился.

– Сюда лодки не приставали уже лет сто.

– Не преувеличивай. Конечно, здесь нет новой пристани и моста, но только потому, что сюда не пристают большие ладьи с грузом. А нам с тобой большое судно не нужно.

– Это точно, – рассмеялся перс, – мы вовсе не похожи на камни для гробницы. Но здесь берег слишком пологий даже для небольшой лодки.

– Придется замочить твои царские ноги, – веселился Ганнибал.

Место и впрямь было не похоже на ту пристань, где разгружались ладьи со строительным материалом для города мёртвых. От зелёных метелок папируса была расчищена только небольшая площадка. Когда-то ровно утоптанная десятками ног, теперь она поросла сочно-зелёной травой, которую неторопливо жевала корова, удивительно похожая на ту, за которой гонялся Ганнибал.

– Так это пастбище, а не пристань, – воскликнул перс.

– Нет, это пристань, – упрямо повторил египтянин и принялся прогонять рогатое животное.

Корова презрительно игнорировала все его старания и продолжала свою неторопливую трапезу.

– Хорошо у тебя получается управлять рогатым скотом, – усмехнулся Ахеменид.

– Терпеть их не могу! – огрызнулся крестьянин. – Сам попробуй.

То, что Арсам размахивал руками и шлёпал корову по бокам, было так же бесполезно. Но он не расстроился, браво заявил:

– А чем она нам мешает?! Пускай себе жуёт, а мы просто подождём подходящую ладью.

– Уверен, ждать придётся недолго!

Ганнибал оказался не прав, время шло, река медленно несла свои глубокие воды мимо беглецов, они всматривались вдаль, но ни одной даже плохонькой посуды не появлялось ни с одной, ни с другой стороны.

– Первый раз такое вижу, – терял терпение египтянин. – Что ж, все разом вымерли?!

– У редких событий бывают большие причины, – вслух размышлял Ахеменид, – дед учил меня всегда стараться понять причину того, что происходит.

– Может же твой дед быть не прав?!

– Вряд ли...

– Откуда ему знать про нашу реку.

– Сам говоришь, происходит что-то странное. Куда могли деваться сразу все ладьи? Так бывает, наверное, только из-за войны.

– Или из-за больших праздников, – предположил темнокожий.

– Какие ещё праздники?

– Лет пять назад у нас сменился фараон; когда хоронили Амасиса, по всей стране никто ничего не делал. Все должны были скорбеть.

– И что, все скорбели? – не поверил потомок царей.

– Честно говоря, все были рады ничего не делать. А в столице похороны проводили так торжественно, что все, кто мог, собрались поглазеть. А теперь Псаметих III, новый фараон, задумал праздновать пятилетие своего правления.

– И сколько могут продолжаться эти торжества?

– Не знаю, как будет угодно новому фараону. А ты уже размышляешь, что пришёл твой ненаглядный Камбиз. Уверен, об этом мы бы знали точно.

– Конечно, – вздохнул перс.

Он вновь помрачнел и сам не знал: оттого ли, что персы никак не захватят Египет, то ли оттого, что их приход неизбежен.

Беглецам долго пришлось сидеть на берегу. На земли Египта уже спустился сумрак, особенно плотный над поверхностью воды. Друзья устали всматриваться вдаль в ожидании попутной ладьи. Они уже собрались располагаться на ночлег, когда к мерному чавканью так и не убравшийся никуда коровы прибавился новый звук.

– Похоже, это плеск воды, – насторожился перс.

– Неужели кто-то решился плыть ночью, – не поверил Ганнибал, – так обычно не поступают. Египтяне всегда отсыпаются на берегу.

– Но это точно плеск от весел.

По маслено-чёрной глади ночной реки, ярко освещённая четырьмя оранжевыми факелами, торжественно двигалась большая нарядная ладья. Гребцы налегали на весла, с борта слышалась громкая гортанная речь.

– Они тоже идут вверх по Нилу, – обрадовался темнокожий.

– Только ладья уж слишком красивая и дорогая. Вряд ли нас возьмут на такую, – заметил Арсам, – смотри, на ней установлен специальный навес для важного хозяина.

– Небось ты сам плавал под таким.

– У финикийцев ладьи совсем другие.

– Не думаю, что у них много отличий от наших. Только бы не проплыли мимо.

Ганнибал стал кричать, подпрыгивать, махать руками, стараясь, чтобы его заметили. Вскоре с ладьи ему стали отвечать, и, когда лодка поравнялась с беглецами, с неё бросили большой каменный якорь. Ладья замерла посреди реки, прямо напротив пологого бережка, на котором устроились египтянин с персом. Ганнибал принялся что-то объяснять на местном языке, Ахеменид понимал не всё, и друг решил объяснить ему подробнее.

– Ладья идет вверх по Нилу до Мемфиса, важный сановник хочет посетить празднование пятилетия коронации Псаметиха III. Само собой,

пассажиров они не берут, но на ладье не хватает пары гребцов; хозяин согласен взять нас до самой столицы, нам удивительно повезло.

– Чудная страна, – буркнул Арсам, – наверное, только здесь возможность повкалывать называют везеньем.

– Если ты против, можешь оставаться здесь или идти в Мемфис пешком! – рассердился Ганнибал. – А я поплыву на ладье.

Беглецам пришлось зайти в реку по пояс, чтобы добраться до освещённого судна. Гребцы помогли им перебраться через борт и оказаться на палубе. Толстый египтянин с длинным подбородком в тяжёлых, покрытых позолотой одеждах сразу ткнул пальцем в сторону кормы.

– Вон те последние пустующие весла ждут нас, – радостно пояснил другу темнокожий.

Друзья охотно взялись за дело. Арсам поразился, что на большой ладье египтяне тоже гребли стоя, так же, как в маленькой лодочке, лицом к носу ладьи, а не сидя к нему спиной. Очень длинное весло не было слишком тяжёлым, и Ахеменид крутил головой, осматриваясь. На узкой ладье вместе с новичками было восемь гребцов. По четыре с каждого борта, каждый налегал на своё весло, наклоняясь вперёд, и, откинувшись назад, поднимали его над водой. На корме возвышался дородный и важный рулевой, а на носу – топтался мальчишка вперёдсмотрящий. Вся команда речного судна состояла из тёмных, как ночь, нубийцев. Как было заведено в Египте, за их работой следил тучный надсмотрщик. Он сжимал в руке длинный бич, но никогда не пускал его в ход. В самом центре ладьи возвышался небольшой навес, крытый пестрыми воловьими шкурами. Под навесом скрывалась узкая лежанка, заваленная подушками, покрытая шкурами леопардов, и резной столик чёрного дерева, украшенный позолотой.

– Да, хозяин этой посуды не любит принимать гостей, – отметил перс, – под навесом не найдётся даже табурета.

Негостеприимный толстяк, как только ладья снова стала двигаться, повалился на своё ложе. Он дышал так тяжело, словно сам грёб всеми восьмью веслами.

– Устал, бедняга, – подмигнул другу Арсам.

Ганнибалу досталось весло у другого борта. Он сосредоточенно грёб, словно творил священное действо, не повернул даже головы к персу.

– Крестьянин нашёл своё место, – потешался Ахеменид, – жаль, мне его не понять, по цвету не подхожу.

Он продолжал рассматривать ярко освещённое факелами судно, когда рулевой заорал во всё горло:

– Правый борт, суши весла, левый, навались!

Несмотря на его жуткое нубийское произношение, Арсам догадался о смысле команды и просто сделал, как остальные гребцы, стоявшие перед ним. Длинные вёсла взмыли вверх, и ладья стала медленно поворачивать

к берегу. Вскоре свет факелов выхватил из темноты ровные доски высокого причала, судно пристало к нему вплотную и замерло. В воду полетели тяжёлые камни, заменявшие якоря. Важный толстяк, зевнув, объявил стоянку.

Глава девятнадцатая ПЛАВАНИЕ ПО ВЕЛИКОМУ НИЛУ

Высадка на берег хозяина ладьи напоминала торжественное шествие. Первыми на дощатый настил спустились двое гребцов с факелами, за ними солидно последовал толстый сановник, следом двое нубийцев тащили его ложе, а ещё двое сгибались под громадным тюком плотного шёлка. Замыкал шествие мальчонка-впередсмотрящий с третьим факелом. Толстяка страшно утомили пройденные им два десятка шагов, он буквально повалился на своё ложе в ожидании, пока слуги на берегу натянут шатёр из тёмного шёлка. Хозяин милостиво позволил двум плечистым гребцам отнести себя вместе с лежанкой внутрь навеса, и уже пару мгновений спустя оттуда донесся его мощный храп.

Все остальные устраивались на ночлег под открытым небом. Рулевой остался на судне, темнокожие гребцы развели небольшой костерок, собрались вокруг огня, болтали о своём. Мальчик свернулся калачиком, сладко заснул. Ганнибал хлопнул друга по плечу:

– Первый раз, небось, ночуешь не в роскошном шатре, а под открытым небом.

– Намекаешь на то, что у Херихора над цепью была крыша?! – огрызнулся Ахеменид. – К тому же, однажды в пустыне...

Арсам хотел рассказать другу, как три дня скитался в бесплодных песках, но вовремя вспомнил, что его отсутствия тогда никто не заметил и, значит, все приключения в пустыне были лишь видением.

– Небось, прятался с царями в таких вот шатрах, – продолжал египтянин, – и думать не думал, о тех, кто остался снаружи.

– Я и теперь о других не думаю, – зло буркнул перс, – мне жаль только утонувшего халата, как бы он теперь пригодился!

Темнокожий только хмыкнул, он-то отлично помнил, из-за кого персидский халат покоился на нильском дне. Друзья подсели к жидкому костерку. Узловатые кривые ветки быстро прогорали, и весёлое пламя гасло, оставляя гребцов в полной темноте.

– Если эти мускулистые ребята закроют рот и глаза, – усмехнулся перс, – в темноте их совсем не будет видно.

– Тебе нечем гордиться, если боги тебя создали другого цвета, – обиженно заметил Ганнибал.

– Ой, только не дуйся! – остановил его друг. – Я не собирался никого обижать.

– Давай лучше спать, – хмуро буркнул темнокожий.

Но спать им пришлось недолго. Надсмотрщик растолкал гребцов, как только узкая полоска света появилась из-за края горизонта. Беглецам показалось, что они только успели закрыть глаза и открыли снова.

– Вот, так и живут все, кроме царей, – тяжело вздохнул Ганнибал.

– Дались тебе эти цари, – ворчал, поднимаясь, Ахеменид, – цари тоже люди.

– А у нас говорят, что цари и фараоны не просто люди, а родственники Богов.

– Может, они и правы.

Едва успев позавтракать сухими лепёшками, нубийцы вернулись на ладью; не обошлось и без торжественного возвращения толстого сановника. В факелах больше не было нужды, но всё остальное шествие осталось прежним. Утомлённо опустившись на своё поставленное под навес ложе, хозяин властно махнул рукой. Гребцы налегли на весла. Судно отошло от пристани и двинулось вверх по реке. Надсмотрщик покрикивал на нубийцев, требовал сильнее грести.

– Куда нам спешить? – спросил перс.

– Хозяин уже опоздал, хочет застать хотя бы концовку празднества, – перевел Ганнибал объяснения стоявшего впереди гребца и добавил: – Когда ты уже будешь понимать всё сам?

– Неужели устал растолковывать?

– Нет, просто удивляюсь, как ты умудряешься быть таким бестолковым. Египетский до того похож на вавилонский и сирийский.

– Я уж заметил, только вы здесь все слова как-то меняете... коверкаете, – задумчиво произнёс Арсам, – короче, ваши боги говорят гораздо понятней.

– Я и забыл, что ты любишь с ними поболтать, – рассмеялся темнокожий, – вот и попросил бы их разом научить тебя общаться по-нашему.

– В следующий раз – обязательно, – улыбнулся Ахеменид.

Ладья упрямыми рывками двигалась против течения великой реки, плыла по самой середине, там, где было глубже. У бортов тёмная вода пенилась, расходилась короткими волнами. Работа всё ещё казалась персу баловством, и он разглядывал устройство египетской ладьи. Это узкое сооружение с низкими бортами казалось ему слишком неустойчивым и хрупким. Нос и корму лодки не венчали привычные головы драконов или змей. Тонкие балки загибались над головами вперёдсмотрящего и кормчего.

– Как мы не переворачиваемся, – недоумевал перс, – хорошо ещё нет бегемотов, а то потопили бы всех так же легко, как крохотную лодку.

Идея устроить навес для пассажира в самом центре ладьи тоже казалась ему дурацкой. Со спины налетал довольно крепкий ветерок, и Арсам пожалел, что на египетской ладье нет паруса, который сейчас легко смог бы заменить труд гребцов. Вдоволь повозмущавшись

египетской недогадливостью, Ахеменид перевёл взгляд на плывшие мимо нильские берега. Там крестьянки срезали серпами тонкие стебли папируса, увенчанные метёлками узких листьев.

– Неужели здесь на этом пишут?! – недоверчиво спросил он у Ганнибала.

– Конечно, а разве возможно из чего-то другого?! – пожал плечами темнокожий.

– У нас делают таблички из глины, а потом обжигают...

Гребцам приходилось разговаривать громко, потому что их места были у разных бортов, и вскоре надсмотрщик рывкнул взбешённо:

– Молчать!

Он даже не решился щёлкнуть хлыстом для убедительности, боясь из-за тесноты задеть хозяина судна. Но гребцам и без того всё меньше хотелось тратить силы на разговоры. Жаркое египетское солнце поднималось всё выше, нещадно палило спины и плечи гребцов. Привычных нубийцев это мало смущало, а перс уже поглядывал на светило с ненавистью. Порою гордому Ахемениду хотелось поднять лук, валявшийся у его ног, и пустить стрелу в вечное око божественного Ра для того, чтобы, моргнув, тот хоть на мгновение его прикрыл и на землю упала тень. Беглец больше не крутил головой, не смотрел по сторонам, сосредоточился на однообразных движениях весла вперед-назад. Монотонность поглощала время и мысли.

Когда хозяину ладьи вздумалось остановиться на обед и рулевой велел сушить весла и бросать камни, Ахеменид даже удивился, что можно стоять неподвижно и выпустить из рук весло.

– Эй, чего застыл, будто статуя? – окликнул друга Ганнибал.

Арсам встряхнул с себя оцепенение

– Далеко ещё до вашей столицы?

– Что, уже устал, – рассмеялся темнокожий. – Не царское это дело – веслом махать.

– Дались тебе эти цари! – возмутился Арсам. – Не притворяйся, будто сам не рад тому, что толстяк не может есть и плыть одновременно.

– Я бы обрадовался ещё больше, если бы поменялся с ним местами, – признался Ганнибал.

Остановка была недолгой, сановник сильно спешил; всё, что разложили ему на больших блюдах, толстяк успел проглотить быстрее, чем гребцы съели по одной своей вечной лепёшке.

– Быстрее, быстрее, шевелитесь! – завопил он.

Ему хрипло вторил рулевой:

– Весла в воду! Навались!

– Вперёд! Быстрее! – покрикивал надсмотрщик.

Длинные вёсла опустились в мутные воды Нила, и снова ладья двинулась вверх по течению. Неблагодарный труд гребца казался персу всё тяжелее. И к тому времени, когда беспощадное солнце, наконец,

спустилось за горизонт, а важный сановник присмотрел себе подходящую пристань для ночлега, потомок персидских царей буквально валился с ног. Нубийцы зажгли факелы, и вновь на берег в прежнем порядке проследовали толстяк, его походное ложе и свёрнутый шёлковый шатёр. Снова усталые гребцы собрались возле жалкого костерка и разговорились:

– Нет, не успеем мы на празднование, – вздыхал пожилой огромный нубиец.

– Хозяин будет в бешенстве, – вторил ему молодой гребец.

Арсам зацепили недавние слова Ганнибала про его недогадливость. И перс старательно вслушивался, пытался понять неспешные речи нубийцев. Видя это, его друг не мешал, молча смотрел, как Ахеменид хмурит брови и ловит каждое слово.

– Жаль, и мы не посмотрим, что творится в Мемфисе.

– В столице всегда есть на что посмотреть.

– Я слышал, как будто в подарок фараону нашелся новый Апес.

– Вот на этом празднике в честь бога Птаха и божества плодородия я хотел бы побывать.

– Говорят, прежний Апис был уж совсем старый, – поддержал разговор ещё один долговязый гребец, – такой старый, что почти не шевелился. Вот жрецы ничего и не могли предсказать.

Пленник Херихора жадно ловил, не упомянут ли нубийцы номарха, нашедшего новое священное животное, очень уж хотел узнать, когда тот намерен возвратиться домой. Друг угадал его мысли и принялся шёпотом переводить невнятную нубийскую речь. Но откуда гребцы могли проведать о намерениях Херихора. Влюблённый вздохнул разочарованно.

– Скорее всего, старый муженек вот-вот вернётся.

– Тебе-то теперь что с того?

– Сам не знаю.

Засыпая, перс думал о прекрасной Анахит. И даже не удивился, когда из зыбкой пелены сна к затухающему костру подошла женщина. Это не была жена номарха, незнакомка была уже не молода, держалась спокойно и величаво. Одежда её была щедро заткана золотыми нитями, шею и запястья покрывали бесчисленные украшения, чёрные волосы обрамляли массивную золотую корону. Она негромко обратилась к Ахемениду:

– Скажи, чужак, почему люди так упорно спорят со своей судьбой?

– Откуда же мне знать за всех?! – удивился вопросу Арсам

Он поспешно сел, хотел подняться и поклониться незнакомке, но она сама мягко остановила его.

– Сиди, ни к чему здесь правила.

– Где – здесь?

– Скоро поймешь. А пока признайся, трудно тебе в Египте?

– Трудно, – кивнул зороастриец, – вот с тобой мы разговариваем, как ни в чём не бывало, а других я порой и вовсе не понимаю.

– И только-то, – улыбнулась женщина.

Она провела рукой по голове перса.

– Я даже не знаю твоего имени, – спохватился Арсам.

– Сешат...

Перс сразу понял, что говорил с богиней во сне, когда резко проснулся от грубого толчка. Он открыл глаза и сразу очень захотел зажмуриться. Вокруг него стояли египетские солдаты, защищённые медными круглыми, словно блюда, нагрудниками, угрожая пленнику короткими серповидными мечами с длинной ручкой. Их решительные мрачные лица не предвещали ничего хорошего.

– Встать! – брызгая слюной, важно скомандовал тот, чей нагрудник был больше, чем у остальных, – следуй за нами! Быстро!

Ахеменид пошарил рукой рядом, но лук вместе со стрелами лежал слишком далеко, убранный предусмотрительными солдатами. Перс оглянулся, ища Ганнибала. Тот стоял, покорно понутив голову. Арсам встал рядом с другом. Десяток солдат столпились вокруг них, направив на пленников свои странные мечи.

– Побег раба от номарха – серьёзное преступление, – рассуждал египтянин в большом нагруднике, – похищение раба – преступление ещё большее, вас обоих ждет казнь.

– Прямо сейчас? – легкомысленно осведомился Ахеменид.

Он и не заметил, каким лёгким для него вдруг стал чужой язык. Зато Ганнибал удивлённо выпучил глаза. Даже спросил испуганным шепотом:

– Ты что их понимаешь? Неужели раньше притворялся?

– Сам не знаю, как это вышло, потом разберёмся, некогда сейчас.

– Мы должны, – громко произнёс обладатель медного таза, ткнув в перса пальцем, – отправить тебя обратно к хозяину.

– А как же я? – жалобно напомнил темнокожий.

– Тебя мы убьём здесь.

Арсам смело шагнул вперёд, сразу наткнувшись на острия мечей.

– Уверен, – громко обратился он к любителю брызгать слюной, – уверен, что номарх захочет лично присутствовать при казни своего бывшего хенуу. Он не простит вам самоуправства.

Солдат задумчиво почесал подбородок, пробурчал:

– Да нам приказано.

– Номарх всегда присутствует при казнях, – настаивал Арсам.

Египтянин поколебался, потом махнул рукой.

– Пусть сами разбираются. Мне велено доставить в поместье хенуу, одного или двух – какая разница! И, правда, чёрный больше похож...

Уже второй раз Арсаму удалось отсрочить неминуемую смерть Ганнибала. Беглецам связали крепкими ремнями локти за спиной, вокруг толпились солдаты, их старший снисходительно посмотрел на пленников, заявил неожиданно:

– Вам повезло.

– Это в чём же? – хмуро спросил Ахеменид.

Солдат охотно пояснил:

– Не придётся долго ждать новой ладьи. Узнав, что всё равно опоздал на царские празднества, сановник решил двинуться в обратный путь. И согласился выделить местечко на своем судне для рабов номарха Херихора.

– Теперь для нас есть место? – усмехнулся перс.

– Не надейся прохладиться как пассажир, – произнёс обладатель большого медного нагрудника с угрозой, – будете работать. Хозяину нужны гребцы.

– Вот новость! – надменно улыбнулся потомок персидских царей.

– Не разговаривай с ним, – шёпотом возмутился Ганнибал, – нашёл, с кем болтать.

А перса так и подмывало поострить с туповатым египетским солдатом. К тому же он хотел кое-что выведать.

– Невероятно, как быстро вы здесь оказались, – польстил он брызгавшемуся слюной, – словно подсказал кто.

Тот осклабился самодовольно, показал рукой куда-то в сторону:

– Вон тот парень подсказал, принёс грамоту от номарха.

Беглецы повернулись туда, куда он указывал, но увидели только смутное облачко, словно обрывок тающего тумана.

– Странно... – выдохнул солдат, – вот же грамота.

В руке он действительно осторожно держал папирус, хотел перечесть послание, да только закашлялся, процедил сквозь зубы:

– Тут же ясно было написано... Про рабов номарха... А теперь ничего нет...

– Может, тогда нас просто отпустить?! – лукаво предложил Арсам.

– Нет! – отрезал египтянин. – Приказ есть приказ! Ты же раб? – спросил он честного зороастрийца.

– Раб, – вздохнул перс и в первый раз пожалел, что совсем не умеет лгать.

– Вот и не морочь мне голову, – нахмурил густые брови солдат, – поплывете гребцами.

Больше обладатель медного таза Ахемениду был не интересен. Арсам задумался о том, кто из богов мог так зло подшутить над ним.

– Неужели Хека всё не может простить мне той мраморной плиты, – пробормotal недавний гость Таита.

– Какой догадливый, – раздался совсем рядом сладкий голосок бога волшебства.

Арсам обернулся на голос, различил только смутное облачко над досками пристани. Неясный образ затрясся от смеха.

– Ты бы осторожней, все остальные меня не видят. Не поймут, с кем ты болтаешь. Здорово я придумал с грамотами?! Этих глупых солдат так легко обмануть!

– Зачем тебе это понадобилось? – то ли тихо спросил, то ли громко подумал Ахеменид. – Ты же бог, какое тебе дело до смертных?

– Ага, – звонким колокольчиком расхохотался Хека. – Признал, что мы Боги!

– Здесь все вас так называют, а для меня ты только злобный, противный демон.

– Вот опять! Ну, как тебе не насолить после этого?! А вернуться к номарху – просто твоя судьба, не понимаю, зачем Шаи понадобилась эта игра в побег. Я только вернул всё на свои места, – веселился бог волшебства и обмана.

Так никем и незамеченное, видение растаяло в воздухе. А перс и Ганнибал в сопровождении трёх солдат проследовали на ладью толстого сановника, замыкая великолепное шествие.

Глава двадцатая ИЗМЕНЕНИЕ СУДЬБЫ

Как только солдат разрезал тугой ремень и освободил руки темнокожего пленника, тот сразу стал жаловаться:

– Фу, наконец-то, у меня всё затекло. Может, Ахеменид и привык всё время ходить вот так, выпрямившись, а я совсем замучался! Не могу теперь грести! Спина болит!

Арсам только позабавили его стоны, а солдат сильно разозлили. Они были готовы пустить в ход оружие. Опасливо покосившись на острые мечи, Ганнибал покорно взялся за весло. Солдаты разместились в проходе между гребцами – в тесноте да не в обиде. Беглецы гребли, снова тревожили гладь великого Нила. Правда, на этот раз ладья шла вниз по течению, и их работа была гораздо легче: не приходилось бороться с упрямыми водами главной египетской реки, а лишь слегка помогать им нести на себе ладью; путешественникам не понадобилось лишней стоянки. И раньше, чем вода стала казаться тягучей чёрной массой и нубийцы зажгли факелы, справа по борту показался знакомый причал.

– Вот уж не думал, что ещё раз их увижу, – буркнул Арсам.

Судно замерло возле него.

– Отсюда до поместья номарха рукой подать, – радовался обладатель большого медного нагрудника.

– Вы и туда будете нас провожать? – равнодушно поинтересовался перс.

– Это наш долг – передать пленников хозяину.

– Тогда мы плыли в другую сторону. Хозяин поместья сейчас в Мемфисе.

– Ну... – энергично почесал подбородок солдат, – ну... замещает же его кто-то. В поместье должен кто-то заниматься хозяйством, ему и

передадим, – рассудил он и направился к навесу возлежавшего на своем ложе сановника.

Такое объяснение Ахемениду не понравилось, возвращение к медной цепи и без того мало радовало гордого потомка царей, а намёк на сварливую старуху привёл его в бешенство.

– Пошли мне терпения великий Ахура Мазда! – воскликнул зороастриец. – Окажись сейчас под рукой лук, я бы изрешетил стрелами этих тупых солдат!

Он оттолкнул потянувшегося связать ему руки египтянина. Тот неуклюже повалился на второго солдата. Арсам выхватил у него из-за пояса серповидный меч; всё происходило так быстро, что Ганнибал успел только закричать:

– А-а-а!

Другой солдат сориентировался раньше, чем Арсам скрестил свой меч с оружием египтян, он приставил медное лезвие к горлу друга гордого перса. Тот пытался вырваться, но только порезался о боевую медь. Кровь обильно текла из его шеи, только добавляя страсти моменту.

– Я прибью этого похитителя рабов! – закричал солдат.

Командовавший стражей обернулся, разинул рот, но не нашёл, что приказать; даже толстый хозяин ладьи привстал со своей лежанки. Ганнибал зажимал порез рукой, кровь сочилась между пальцами, он зло прохрипел персу:

– Не зли их! Будет только хуже! Их слишком много, нам некуда деваться!

Гордому Ахемениду было трудно смириться с поражением, он чувствовал в себе дикую силу и неуязвимость. Но Ганнибал был таким жалким; решительный солдат уже замахнулся мечом, чтобы добить его, и ждал только неосторожного движения перса. Арсам перехватил серповидный меч и, замахнувшись, метнул его в большой нагрудник командовавшего солдатами. Описав дугу, наточенным остриём меч мощно ударил в медный круг, он треснул и раскололся от удара надвое. Меч царапнул жирное пузо египтянина и со звоном упал на палубу. Страшно побледневший солдат замер в полной неподвижности, а стоявший рядом с ним сановник грохнулся в обморок.

Удерживавший Ганнибала солдат оттолкнул его от себя, темнокожему даже не стали связывать руки, он так и держался за горло, хотя заметно повеселел; Арсам, поморщившись, позволил себя связать, следом за солдатами покинул ладью и ступил на доски причала. Солдаты окружили пленников, а ладья сановника заскользила дальше по речной глади.

Дорога до поместья Херихора показалась Арсаму невероятно короткой. Он узнавал как родной и давно знакомый каждый изгиб тропинки. Ахеменид с удивлением обнаружил, что почти рад своему возвращению. А мысль о предстоящей встрече с красавицей Анахит

заставила его сердце биться учащённо. Перс улыбнулся своим мыслям, это возмутило его спутника:

– Так ты ещё и рад?! Хорошенькое дело! Тебя там поджидает одинокая женушка номарха, а меня?! – громко ругался он, уже позабыв о своем ранении.

– Не раскисай! – весело бросил потомок царей. – Ну подумаешь, посидим на одной цепи вдвоём, Шаи обещал мне, что всё обойдется.

– Нашёл кому верить! – воскликнул Ганнибал. – Наши боги не такие честные, как ты, ещё бы Хеку доверился!

– С ним у нас свои счёты.

– Во занался! – впечатлился темнокожий. – Рассуждает о богах, как о старых приятелях. Может, ты себя и бессмертным возомнил?!

– Я-то что, вот тебе башку почти отрезали, а ты идешь тут и ругаешься, – усмехнулся Арсам.

– Никто мне голову не отрезал, – заспорил египтянин, – солдат только и успел кожу поцарапать. Вон уже кровь и не течёт совсем.

– Так ты зря меня остановил?!

– Нет, надо было подождать, пока меня прибьют по-настоящему?!

Шедшие вокруг них солдаты напрасно прислушивались к возмущённым интонациям, они так и не могли понять смысл.

– Тихо вы! – на всякий случай прикрикнул египтянин в расколотом нагруднике.

К немалому удивлению стражи, пленники послушались и замолчали, в полной тишине они проделали последний десяток шагов до поместья номарха. Самой собой, там их никто не ждал и не вышел навстречу. Тогда обладатель расколотого нагрудника решил сам зайти в дом, пленники и охрана остались ждать его во дворе.

Им уже порядком наскучило торчать там, когда в дверном проёме, наконец, появилась грузная фигура их командира, а из-за его локтя выглянуло носатое сморщенное лицо матери Херихора. Неприязненно оглядев пленников, она принялась жевать губами и чесать щёку, явно не зная, что с ними делать.

– Н-да-а, – протянула она, – ну... а номарх знает, что вы их нашли? – гнусаво поинтересовалась она.

– А как же... кто же... – растерялся солдат, – кто же нам сообщил?!

В это время он как раз припомнил странную табличку с пропавшими с неё словами, и лицо служак стало окончательно тупым.

– Херихор не мог знать, – рассуждала мать номарха, – он, небось, ещё мое письмо не получил.

– Но мы... но нам сообщили...

– Странно это всё, – каркнула старуха, – ладно, боги знают, чему суждено быть, а нам остаётся...

Рядом с матерью Херихора возникло заспанное и недовольное лицо Петубаста. Он шурился, стараясь вникнуть в суть разговора, так ничего и не поняв, решил спросить:

– А что случилось? Откуда эти люди?

Никто не стал отвечать на его невнятные расспросы, тем более что ответов на многие из них никто толком не знал. Морщинистое лицо Убайнер осветила новая мысль.

– Вы же проголодались с дороги! – прошамкала она, обращаясь к солдатам. – Сейчас я распоряжусь. Вас как следует накормят.

Командир в расколоте нагруднике благодарно разулыбался, только уточнил:

– А с этими что делать?

Он брезгливо указал на привезенных рабов.

– Пускай сидят там, – решила, наконец, сложную дилемму старуха, ткнув пальцем всё в то же неуютное строение с двумя столбами.

Пленников препроводили туда и оставили одних.

– Хоть бы руки тебе развязали, – сразу принялся жаловаться Ганнибал.

– Так возьми и развяжи, – разумно предложил перс.

Ганнибал так и сделал, но возмущаться не перестал, нашёл ещё один повод:

– Ну и темень же здесь! Оставили бы хоть малюсенькую лампу.

– Зачем на тебя масло переводить, – заметил перс, научившийся уже понимать скупую логику матери номарха.

– Что ж нам теперь делать в такой темноте?

– Спать. Жизнь раба – сон да работа.

– Прямо как у крестьянина, – вздохнул Ганнибал, – родители за меня, наверное, волнуются.

– Они уверены, что ты благополучно путешествуешь в Мемфис, – лениво вздохнул Арсам, – давай спать.

Египтянину дважды предлагать не понадобилось. Он быстро нащупал в крошечной темноте циновку возле стены, улёгся на бок и мирно засопел. С Ахеменида сразу слетела сонливость, он покинул мирно спавшего друга, осторожно выскользнул из комнаты и замер возле внешней стены. Двор номарха был полон солдат. Они удобно расположились возле бассейна и скребли ложками большие глиняные миски. Между ними с пузатым кувшином сновал мальчишка-слуга и важно, по-хозяйски, прохаживался Петубаст. Уже объятый ночной тьмой двор был ярко освещён факелами, горевшими в глиняных подставках на стенах домов. Анахит нигде не было видно.

– Не удивительно, – буркнул перс, – если здесь столько мужчин. Старуха спрятала её в самый дальний угол дома. Угораздило же этих солдафонов рассестись по всему двору... Да ещё от факелов светло как днём!

Влюблённый был возмущен обилием преград на пути к прекрасной жене номарха. Но не мог же он просто вернуться и завалиться спать! Арсам решил ждать, не произойдёт ли что-нибудь, что сможет ему помочь. От скуки его одолела зевота, а египтяне всё набивали животы с обстоятельностью и неторопливостью людей, которым некуда спешить.

– Сколько можно жрать?! – бесился Ахеменид. – Вот теперь было бы очень кстати какое-нибудь колдовство! Куда подевался капризный Хека?!

Зороастрийцу показалось, что египетский демон где-то рядом хмыкнул в ответ на его слова, но никого не было видно.

– Солдаты – порождение Ахримана! – воскликнул Арсам и поразился вырвавшимся у него словам.

Ахеменид ведь сам всегда гордился тем, что он – воин, победитель чужих военачальников. Он восхищался великими завоевателями, легендарными героями давних сражений. Мечтал стать, как они. Стать героем, воином, солдатом. А теперь... он видит в них только порождение зла...

Перс тряхнул головой, избавляясь от тяжких мыслей.

– Это всё от долгого ожидания, – буркнул он, – так можно до чего угодно додуматься. Нет! Всё! Пора действовать, пока я не сошёл с ума.

Он решительно вернулся в темноту постройки, различил тёмный силуэт мирно спавшего друга, схватил за плечо и принялся энергично будить его:

– Эй, вставай! Хватит спать! Не время сейчас, потом отоспишься!

– Чего?.. почему?.. – сонно щурился Ганнибал и повторял заплетающимся языком. – Отстань... что тебе опять надо... я сплю... Отстань...

Перс и не думал сдаваться:

– Нельзя упускать такой шанс! Про нас все забыли, надо бежать!

– Куда?.. – сонно протянул египтянин.

– В другую сторону, – недолго думал над ответом Арсам, – если на реке нас поймали, надо идти...

– У нас больше идти некуда. Нил – это всё.

– Нельзя к реке, пошли к морю, – не унывал перс.

– Сам иди, – отмахнулся от него, как от назойливой мухи, темнокожий и устало закрыл глаза.

Арсам снова принялся его трясти, не давая погрузиться в сон.

– Нет уж, так дело не пойдёт. Я тебя здесь не оставлю. Тебя же убьют, на куски порежут!

– Ничего они со мной не сделают, – убеждённо возразил египтянин.

– Откуда ты знаешь? – поразился зороастриец.

– Я точно знаю свою судьбу, мне суждено утонуть в великой реке, – терпеливо объяснял Ганнибал. – Если суждено утонуть, по-другому я не умру.

– Будешь лежать здесь и ждать, пока тебя утопят?!

- Буду, – буркнул Ганнибал, собираясь вернуться к своим снам.
- Судьбу надо менять! С судьбой надо спорить!
- Судьбу изменить нельзя...
- А я буду менять! – решительно заявил Арсам.

Ответ Ганнибала прозвучал уже неразборчивым мычанием, и перс не стал его больше тормошить.

– Оставайся, и да помогут тебе твои боги, – вздохнул он и выскользнул во двор.

Беглец старался держаться у самой стены, там, где ночная тьма сгушалась в непроглядную черноту, чтобы никто не смог его заметить. Помня о своём плане – уйти дальше от реки, он специально обогнул хозяйственные постройки номарха так, чтобы оказаться на противоположной стороне от дороги, ведущей к Нилу. Щедрая хозяйка, видимо, угостила солдат хмельным пивом, и, напившись, они затянули нестройными голосами какую-то странную походную песню. Ахеменид радовался, что их пение постепенно затихало, а значит, он твёрдо придерживался выбранного направления и удалялся от поместья номарха. Перс напрасно боялся, что в кромешной темноте начнёт ходить по кругу и, в конце концов, вернется обратно. Все шло прекрасно. Нечаянно он набрел на прямую, хорошо утоптанную тропинку. Беглец быстро шёл по ней, а огни факелов во дворе Херихора оставались за его спиной. Упоённый успехом, потомок царей всё прибавлял шаг.

– Где-то там впереди должно быть море! – твердил он себе.

Внезапно он остановился.

– Стоп! А что потом?! Переплыву море вплавь?! – спросил он сам себя и опустил голову.

Но надежда на лучшее быстро взяла вверх над грустью.

– А, там разберусь! – решил Арсам и сделал несколько шагов в темноту, но снова остановился. – Нельзя так, – задумчиво произнёс он, – весело спешу неизвестно куда, бросив друга, надо вернуться!

Он отправился обратно, туда, где между постройками пробивались рыжие отсветы от факелов и слышались пьяные голоса. Но снова остановил сам себя:

– Так ещё хуже. Что ж мне – лечь рядом с Ганнибалом и ждать расправы?! А вдруг моя судьба – умереть именно из-за этой глупости; пока буду убеждать египтянина, про нас вспомнят. Прикуют опять, тогда не побегаешь. А может, ему правда ничего не грозит, у старухи-то зуб именно на меня?

Гордый Ахеменид топнул ногой.

– Вот, превращаюсь в такого же зануду, как мой дружок, он всё сам решил, и я решил!

Арсам продолжил свой путь к невидимому в ночной темноте морю. Перс часто поднимал глаза к небу, но на нём не было видно звёзд, и он не мог определить, правильно ли движется. Он уже начинал думать, что

никакого моря в Египте вовсе нет, а то, как он попал на землю Африки, ему просто померещилось, так же как все звероголовые демоны, когда услышал вдали едва различимый, но неумолчный шум моря.

– Это тоже не сон! – радостно закричал Арсам.

Он побежал навстречу нараставшему шуму; ещё никогда так его не восхищал вечный гул прибоя. Вскоре привыкшие к темноте глаза ясно различили обрывающуюся неровную линию берега и светлые барашки пены на гребнях волн, быстро спешившие к земле. Громкий шум моря не был похож здесь на страшный грохот воды у скалистых берегов, было слышно, как волна шуршала галькой, отползая обратно в глубину.

Глава двадцать первая МОРСКОЙ БЕРЕГ

Ахеменид стоял, заслушавшись звуками стихии, когда лёгкий приятный ветерок принёс знакомый мягкий голос:

– Арсам?!

Влюблённый резко обернулся и застыл, околдованный волшебной минутой. В стороне от него на сумрачном берегу возле какого-то корявого кустарника показалась женская фигура, закутанная в широкую тёмную накидку.

– Анахит?!

– Что ты здесь...

– Откуда ты здесь...

Оба не договаривали фраз, только смотрели друг на друга, как замороженные. Ахеменид попытался объяснить:

– Я подумал, никто не видит, сбежал...

– Но почему сюда? – удивилась женщина.

– Я прибыл сюда по морю... Подумал, моё спасение именно здесь. Не знаю... может быть, вспомнил твои слова, что ты находишь здесь утешение...

– Сегодня море беспокойное, – вздохнула Анахит, – но на берегу лучше, чем в доме, возле свекрови. Она мне житья не даёт с тех пор, как...

– С тех пор как я сбежал и ей не на ком стало срывать свою злость, – подсказал перс, – вот я и вернулся, чтоб успокоить старушку.

– Она подозревает...

– Надеюсь, она права... – улыбнулся влюблённый.

Он решил подойти ближе к женщине. Она не проявляла прежней суровости, но предостерегающе подняла руку:

– Не надо, лучше стой там. Если бы ты знал...

– Расскажи, я буду знать всё.

– Я то проклинаю день, когда увидела тебя в первый раз, то...

Она смолкла, и перс подхватил:

– А для меня этот миг – лучший во всей моей жизни! Я никогда не был так счастлив, как сейчас! Если эту встречу устроили ваши боги, я восхищён вашими богами!

– При чём здесь они?!

– С тех пор, как я попал на этот берег, ваши звероголовые демоны вмешиваются буквально во всё! Я без них даже поесть спокойно не могу! – признался гордый перс.

– Обычно люди не замечают их вмешательства.

– Я бы рад не замечать! Но их внимание не всегда приятно. Руки чешутся добраться до одного вашего божка... Хотя...

– Напрасная бравада, – мягко упрекнула женщина, – боги всё слышат.

– Я вдруг понял, что вредность обманщика Хека, в конце концов, привела меня к тебе...

– Нам не понять божественный замысел, мы только люди...

– Я не хочу говорить ни о ком, кроме нас, – прошептал Ахеменид; не вняв её слабым возражениям, он подошёл к Анахит и обнял её за плечи, – да ты совсем продрогла.

– Нет... просто мне очень страшно...

– Тебе нечего бояться, когда я рядом.

– У меня есть муж...

– Сейчас он очень далеко.

Анахит прильнула к Арсаму и тихо заговорила, торопясь высказать всё наболевшее:

– Я думала, все несчастья из-за нас... Я хотела всё исправить... Я боялась своих мыслей... Я не могла забыть про несчастных женщин, зверски убитых мужьями... Я хотела избежать... Только стало ещё хуже... Ты сбежал... Когда солдаты рассказали, что застрелили беглого раба... я... я не поверила... И вот ты здесь... ты жив... Я знала, знала, что мы ещё встретимся...

– Я больше никуда не сбегу от тебя, я всегда буду рядом, – успокаивал женщину влюбленный.

– Не зарекайся! – шептала она. – Мы не знаем своей судьбы.

– Я никому не позволю вмешаться в наши судьбы.

– Какой ты самоуверенный, – улыбнулась красавица.

– За это меня и любят ваши боги!

– И я... – едва слышно выдохнула Анахит.

Перс услышал её вздох и ответил жаркими поцелуями, принялся сбивчиво объяснять:

– А я испугался твоей холодности... решил – здесь меня больше ничего не держит... хотел уйти... убежать... забыть... Но я не могу без тебя, я так тебя люблю!

Анахит счастливо улыбнулась в ответ, но тут же её лицо снова стало строгим.

– Мы должны возвращаться, пока в доме не хватились. Иначе старуха поднимет на ноги пьяных солдат.

– Тоже мне сила.

– Я не сомневаюсь, что все они тебе не страшны.

Женщина восхищённо посмотрела на перса. Он чувствовал себя готовым победить целую армию, но красавица охладила его порыв:

– Если они все прибегут сюда, наша тайна раскроется. Пусть этот берег, эта ночь будет только нашей.

– Я тоже не хочу её делить ни с кем, – уступил Ахеменид, – придётся возвращаться. Но мне так хочется остаться с тобой целую вечность.

Они ещё долго стояли на берегу не в силах разжать объятия, и всё же пришлось возвращаться. Злобный образ матери Херихора не позволял влюблённым насладиться безмятежным счастьем. Всю дорогу они держали друг друга за руки и только перед тем, как ступить на освещённый двор перед домом номарха, заставили себя расплести пальцы. Анахит гордо подняла голову, напустила на себя деловитую строгость, быстрыми шагами пересекла двор и хотела сразу скрыться в доме, но хамоватый солдат пристал с расспросами:

– Слушай хозяйка, тяжело, небось, без мужа? Когда вернётся номарх-то?

– Откуда мне знать, – принуждённо улыбнулась она, – должен быть здесь со дня на день.

Египтянин удовлетворился ответом, но не хотел отпускать женщину, потянул за край накидки:

– Эй, ты бы сказала старухе, чтоб принесла нам ещё пива, – сказал он, хитро подмигнув, – негоже скупиться, мы же ей такую пропажу вернули.

– Я скажу, – поморщилась Анахит и, выдернув накидку из его пальцев, заспешила в дом.

Ахеменид застыл в темноте за краем освещённого пространства, прижавшись спиной к стене одной из построек. Всё это время он внимательно следил за каждым её движением, готовый как тигр выскочить из своего убежища, если бы ей грозила хоть малейшая опасность. Арсам проследил влюблённым взглядом, как Анахит подошла к дому, откинула полог, закрывавший вход, помедлила мгновение и исчезла в полумраке, так и не решившись обернуться. Только после этого перс скользнул внутрь абсолютно тёмной комнаты, где мирно спал его темнокожий друг.

Для счастливого влюблённого весь мир был прекрасен, даже так недавно ненавидимое им помещение с двумя столбами показалось персу великолепным. Вопреки ожиданиям друга, Ганнибал и не думал смотреть сны. Он сидел на циновке, хмурый и раздражённый. Отличное настроение Ахеменида его возмутило, он пробурчал недовольно:

– Что нагулялся?! Побег окончен?!

– На сегодня хватит, – весело откликнулся влюблённый.

– Так ты собираешься продолжать?! Как мне повезло, что остался здесь, не люблю бессмысленной суеты.

– Вечно ты брюзжишь! – отмахнулся перс. – Смотри, какая чудесная ночь!

– И что же в ней такого чудесного? – не поверил египтянин. – Сижу здесь, жду, пока старуха придумает, как меня умертвить, даже выспаться по-человечески не могу.

– Не грусти, утопить тебя в Ниле она всё равно не додумается, а всё остальное тебе не страшно.

– Потешаешься, как будто сам не думаешь об этом же.

– Нет, не думаю, – честно признался зороастриец, – все мои мысли совсем о другом...

Друг догадался по блаженному выражению его лица, о чём может думать влюблённый, и спросил прямо:

– Неужели виделся с женушкой Херихора?

– Она меня любит! – счастливо вздохнул Арсам.

– Тоже мне новость. Стала бы она иначе бегать к рабу каждый вечер и языком заниматься?!

– Ей муж приказал.

– Муж приказывает жене то, – зло рассмеялся темнокожий, – что она ему нашепчет.

– Говоришь, будто никогда не любил, – не поверил перс.

– Лучше бы мне совсем не знать этих дочерей Дуата, – горько вздохнул Ганнибал.

– Не ожидал я от тебя такой скорби.

– Нет никакой скорби, и дела мне нет до всей этой любви дурацкой!

– И как же имя той, до которой тебе особенно нет дела? – не отставал упрямый Ахеменид.

– Все они одинаковы, – не хотел раскрывать свои тайны египтянин.

– Ладно, пока я тебе поверю, – рассмеялся перс, – сейчас для меня все женщины одинаковы, кроме...

– Чужой жены, – мрачно буркнул Ганнибал.

– С мужем я ещё разберусь, – пообещал влюблённый, – а пока вот вытрясу из тебя всю твою мерзкую мрачность. Сознавайся, что тут приключилось без меня!

– Что может случиться, когда ты далеко? Никого не было, никто не заходил.

– Ни бог, ни человек? – уточнил потомок царей.

– Говорю же, никого не было.

– Откуда ж твоя мрачность?

– Не выспался.

Ахеменид только удивлённо поднял брови, а Ганнибал продолжил:

– Чего ты напихал под свою циновку?! Я едва все ребра не переломал!

– Там ничего не должно быть, – растерянно протянул Арсам.

– Тогда это что?

Ганнибал потянул из-под циновки длинный изогнутый лук.

– Ничего не понимаю, – пробормотал перс, – если всё это время он оставался здесь, то что приносил Шай? Я же стрелял из него...

– К тому же что-то я не видел здесь раненых слуг, – подлил масла в огонь темнокожий.

– Неужели все наши приключения, опять были только шуткой египетских демонов?!

– Если так, – обрадовался Ганнибал, – то я абсолютно зря здесь сижу! Если ничего не было, то я могу спокойно идти домой.

– Погоди, а как же солдаты?

– Им тоже Хека головы заморочил! Сейчас напьются и будут думать, что вся история им примерещилась спяну, – охотно объяснил египтянин, – ты как хочешь, а я пошёл домой.

Он решительно поднялся с циновки и смело направился к выходу. Ганнибал пересек освещённый двор, солдаты лишь проводили его равнодушными взглядами, один даже вяло помахал вслед рукой.

– Ничего не понимаю! – бесился смотревший на них перс. – С тех пор, как попал в эту страну, так и не могу толком разобраться, что здесь происходит на самом деле.

Одно для влюблённого было абсолютно ясно и точно – его любовь к красавице Анахит. Её нежные слова и вздохи сулили Арсаму взаимность. И это значило, что любой побег для него теперь невозможен. Персу не было жизни вдали от жены Херихора.

Ахеменид легкомысленно отбросил все свои сомнения и спокойно остался в комнате со столбами ждать утра и предаваться сладким мечтам.

Новый день начался очень обыденно: едва пленник проснулся, пришёл мальчишка-слуга, молча поставил у самой циновки миску с рыбной похлёбкой и кувшин чистой воды, накрытый пшеничной лепёшкой, и убежал, так и не сказав ни слова. Арсам жевал сухую лепёшку и рассуждал вслух.

– Вот дела! Никогда бы не подумал, что самые обычные события могут казаться мне подозрительными. А вот если бы сейчас появился здесь какой-нибудь звероголовый демон, я бы даже не удивился.

– Как мне надоело твоё хамство! Ни за что сюда бы не пошел, если бы не приказ Осириса...

Ахеменид поднял голову, но рядом никого не было, только из темноты в углу блеснул хищный оскал Анубиса. Спустя мгновение нарисовался и сам бог, облизнулся длинным языком. Зороастриец сел, отмахнувшись от него, как от назойливой мухи, устало подпёр голову рукой, буркнул:

– Сгинь, тебя нет.

– Повтори это теперь! – загремел бог.

Привратник Дуата рассвирепел. Столбы, подпиравшие кровлю, вдруг повалились на землю и рассыпались в прах. Потолок обрушился,

поднялась стена пыли, на голову пленнику посыпались мелкие обломки: глина, штукатурка, клочья соломы. Когда всё стихло, через огромную дыру над его головой на ярко-голубом утреннем небе сияло ослепительно-золотое солнце. Перс невозмутимо стряхнул с волос пыль, достал из-под кучи мусора лук, собрался покинуть развалины, его остановил грозный голос Анубиса:

– Опасно спорить с богами!

– Нашёл чем пугать, – парировал Ахеменид, – зачем развалил сарайчик Херихора, он ведь с тобой не спорил.

Смутно различимый образ шакалоголового привратника в сердцах топнул ногой. От этого земля загудела и затряслась, обломки и пыль вновь поднялись в воздух. Они продолжали подниматься, пока небо снова не закрыл ровный свод потолка, а столбы не встали на своё место. Перед Арсамом снова предстало знакомое сумрачное помещение. Шакаль морда довольно усмехнулась.

– Я – бог, делаю всё, что захочу!

– Сделай, чтобы пол покрылся цветами, – лукаво предложил перс.

– Зачем?! – ошарашенно уставился на него Анубис.

– Я их соберу, подарю Анахит.

– Не могу, – недовольно сознался привратник Дуата, – за цветочки, листочки отвечают другие.

– Вот видишь, – подловил его родственник царей, – каждому своё.

– Вот и ты не забывай об этом! – нашёлся шакалоголовый.

– Неужели ты пришёл сюда только для того, чтобы мне об этом напомнить?!

– По сути, да, – протянул Анубис.

– Ничего себе! – впечатлился зороастриец.

– Это не повод зазнаваться! – неприязненно предупредил бог. – Как раз наоборот, Осирис прислал меня сказать: «Знай свое место!»

– Это которое? – лукаво переспросил родственник царей Парсы.

Египетский бог был неумолимо серьёзен:

– Здесь ты только раб номарха Херихора.

– Дурные новости, – вздохнул Ахеменид.

– Ты должен подчиняться ему.

– И для чего же это Осирису?!

– Позже узнаешь... – торжественно произнёс Анубис и растаял в воздухе.

Но прежде чем исчезнуть, он успел топнуть ногой, отчего оба толстенных столба вновь закачались и рухнули. Оставшаяся без опоры кровля потрескалась, прогнулась и с громким шорохом обвалилась, снова наполнив всё пылью.

Отряхиваясь, Арсам пытался разгадать замысел богов.

– И зачем им понадобилось следить за рабами номарха?! Если мне это всё только почудилось, до чего же странные у меня видения.

На шум обвалившегося строения сбежались египтяне; к счастью, солдаты уже успели покинуть поместье, вокруг перса столпились только слуги Херихора. Раньше, чем они успели понять, что произошло, появился запыхавшийся Петубаст и принялся командовать:

– Так, что столпились?! Быстро, работать! У вас что, своих дел нет?!

Люди, недовольно переговариваясь, стали расходиться. Каждый по-своему объяснял случившееся:

– Построили плохо, вот и рухнуло.

– Столько лет стояло, чего бы ему рухнуть?!

– Неспроста это всё, неспроста!

– Ох, быть беде, большой беде. Всё это предупреждение, – как баба причитал старик, обычно готовивший обеды для номарха, – дурные знаки! Дурные знаки!

Его полное ужаса состояние передалось молодым египтянам, они также, как старик, принялись качать головами и причитать:

– Боги предупреждают, нас ждет несчастье!

Убаинер пробралась сквозь толпу, мгновение послушала расшумевшихся слуг и каркнула во что было мочи:

– Дураки! Пошли вон!

От злости её лицо стало похоже на чёрную кору высохшего дерева.

– Все вон! – бушевала старуха.

Слуг словно ветром сдуло. Быстрее всех сбежал твердивший о дурных знаках старик. Вскоре среди руин остались только мать и сын Херихора да родственник персидских царей. Критически смерив взглядом непокорного раба, старуха напустилась на него:

– Стоит здесь, невредим, целёхонек! А ну, отвечай, кто столбы повалил, крышу поломал?

– Анубис.

Зороастриец был как всегда честен, а старуха просто задохнулась от ярости, злобно прошипела:

– Опять врешь! На богов спираешь! Говори сейчас же, зачем крышу обрушил?!

– Улететь хотел, – устало вздохнул Ахеменид, – иначе бы стену уронил и ушёл.

– Смеёшься?! – бесилась мать номарха. – Вот выучили тебя языку на свою голову, ты теперь издеваешься. Убью! Уничтожу!

Она захлебывалась гневом; к счастью для перса, в этот момент к старой свекрови подошла Анахит. Мягко напомнила:

– Номарх будет сердиться. Он велел нам беречь всё, как было.

Оглавление

Глава одиннадцатая ЗНАМЕНИЕ	3
Глава двенадцатая ЛЮДИ И БОГИ	12
Глава тринадцатая НОЧНАЯ ТЬМА	19
Глава четырнадцатая ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ.....	28
Глава пятнадцатая ЧЁРНЫЙ ДЕНЬ	35
Глава шестнадцатая КОНЕЦ ЗАТОЧЕНИЯ.....	42
Глава семнадцатая НАЧАЛО ДАЛЬНЕГО ПУТИ	49
Глава восемнадцатая ПОБЕГ ОТ НОМАРХА.....	56
Глава девятнадцатая ПЛАВАНИЕ ПО ВЕЛИКОМУ НИЛУ	63
Глава двадцатая ИЗМЕНЕНИЕ СУДЬБЫ	69
Глава двадцать первая МОРСКОЙ БЕРЕГ	75

От издателя

Роман Анны Чернышевой «Чужие боги», разумеется, написан как единое целое, но возможности издателя позволили издать этот роман только таким образом – в трех частях. Надеюсь, это не помешает читателям романа воспринимать его так же, как он написан, – единым целым.

Тираж 50 экз.